

Слепой. Метод Нострадамуса

Автор:

Андрей Воронин

Слепой. Метод Нострадамуса

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #43

Спецагент ФСБ Глеб Сиверов редко не выполнял задания, и в этот раз был уверен в успехе. Но попал в ловушку. О секретной операции знали немногие, и чтобы найти предателя, генерал Потапчук решает, что агент Слепой снова – уже в который раз! – должен считаться погибшим. Потапчук находит для Глеба «укромное местечко» на службе у своего приятеля генерала ФСБ Корнева. Но задание, которое теперь выполняет Сиверов, оказывается еще более опасным, ведь предатель совсем близко...

Андрей Воронин

Слепой. Метод Нострадамуса

© Составление. Оформление ООО «Харвест», 2007

Глава 1

Холодный затяжной дождь стучал в оконные стекла и барабанил по карнизам. Тройные стеклопакеты и задернутые плотные портьеры почти полностью глушили звук; уловить его можно было, только внимательно прислушавшись, и

тогда он напоминал быструю дробь, выбиваемую кончиками пальцев на крышке стола.

Стоял ненастный вечер, снаружи было холодно, темно и сыро. Тем уютнее было сидеть в мягком кресле недалеко от камина, где за толстым закаленным стеклом весело пылали, постреливая и разбрасывая снопы золотистых искр, березовые поленья. От камина по всей комнате распространялось ровное сухое тепло; из-за сильного ветра, по временам задувавшего в трубу, в гостиной слегка пахло дымком. Когда очередной порыв пригибал пламя, заставляя его испуганно приседать, по стенам и зеркальному потолку беспорядочно металась оранжевые блики. Лера сидела на диване, забившись в уголок, подобрав под себя красивые ноги, и при таком освещении была дивно хороша. Впрочем, хороша она была при любом освещении и в любом настроении – даже когда злилась или плакала. Лере было тридцать два – прямо скажем, не девочка, – но Альберт Витальевич не спешил с ней расстаться, хотя кое-кто, особенно по пьяному делу, уже начал намекать, что любовницу пора бы сменить, подыскать себе другую, помоложе. Женщин, говорили эти умники, надо менять часто, как и машины: чуть закапризничала – избавляйся, пока дело не дошло до капитального ремонта.

Изредка, под плохое настроение или после очередной ссоры, Альберту Витальевичу начинало казаться, что советчики правы, однако позже, слегка успокоившись и поразмыслив, он неизменно приходил к выводу, что все эти советы продиктованы не чем иным, как самой обыкновенной завистью. Лера была настоящая красавица и в свои тридцать два выглядела как минимум на десять лет моложе. Вдобавок к этому она была умна, с ней можно было поговорить и даже посоветоваться, и советы ее всякий раз оказывались дельными. Она никогда ничего не требовала и даже не просила; словом, если Лера чем-то и отличалась от настоящей жены – такой, какой настоящая жена должна быть в идеале, – так это отсутствием штампа в паспорте. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что в перспективе она надеется этот штамп заполучить, но как раз в этом ее желании Альберт Витальевич не видел ничего предосудительного: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Как сказал Козьма Прутков: «Девушки вообще подобны пешкам: каждая мечтает, но не каждой удастся пройти в дамки». Короче говоря, мечтать не вредно; кроме того, если уж жениться во второй раз (а политику, как ни крути, жена необходима, не то оглянуться не успеешь, как тебя запишут в «голубые»), то Лера – это как раз то, что надо. Правда, Юрген в последнее время начал все чаще туманно намекать на какую-то угрозу, якобы исходящую именно от Леры. Его словам Альберт Витальевич привык доверять, но людям, в конце концов,

свойственно ошибаться. И врать, кстати, им тоже свойственно. Мало ли, чего этот очкарик не поделил с Лерой!..

Повернув голову, Альберт Витальевич посмотрел в угол, где за низким столиком под включенным торшером шелестел своими бумажками, орудуя циркулем и линейкой, его личный астролог Эрнст Юрген. Никакой он был не Эрнст и, тем более, не Юрген. Звали его на самом деле Эдуардом Юркиным, и на свет он появился вовсе не в Прибалтике, как утверждал, а в поселке Козьмодемьянск, что расположен на территории бывшей Марийской АССР, а ныне – республики Марий-Эл. Всякий раз, вспоминая, что перед ним черемис, выдающий себя за эстонца, Альберт Витальевич с трудом сдерживал улыбку. Юргена можно было понять: астролог-мариец – это звучало довольно-таки комично. Да еще и Юркин...

Но при этом Юрген оказался действительно грамотным специалистом – настолько грамотным, что рядом с ним Альберту Витальевичу порой становилось не по себе. Этот тип, черт его подери, действительно умел заглядывать в будущее, и доброй половиной своих последних побед и достижений Альберт Витальевич был обязан именно ему. Это было нечто непостижимое, и Альберт Витальевич до сих пор считал, что такое невозможно, но это было, и постепенно он привык пользоваться плодами науки, в существование которой не верил, и искусства, которое считал просто набором ловких фокусов. В конце концов, услугами астрологов пользовались многие великие мира сего; даже у Гитлера все шло, как по маслу, пока он во всем слушался своего астролога. А потом астролог предсказал поражение под Москвой, и его сгноили в концлагере. Что из этого вышло, знает каждый, и каждому в наше время известно, что для достижения успеха хороши любые средства. Если астрология помогает – пусть будет астрология!

Альберт Витальевич выбрался из кресла и, присев на корточки перед камином, подбросил в огонь пару поленьев. Пошуровав в раскаленной кирпичной пасти кочергой, он закрыл стеклянную дверцу, вернулся в кресло и сделал глоточек виски из широкого низкого стакана.

– У меня был друг, – произнес он, обращаясь к Лере. – Мы с ним вместе начинали бизнес крутить. Эх, лихие были денечки! Так вот, приехал к нему как-то в гости американец – деловой, сама понимаешь, партнер. Ну, приятель мой, как водится, повез его к себе на дачу – банька, там, березки, шашлычки под водочку, девочки, то-се...

Лера слушала его, опустив журнал, который до этого листала. Уголки ее красивых губ были чуть приподняты, словно она собиралась улыбнуться, лицо выражало пристальное, благожелательное внимание – внимание, которого рассказ Альберта Витальевича, честно, говоря, не заслуживал. Она всегда слушала его с таким выражением, что бы он ни говорил – репетировал ли предвыборную речь, крыл ли на чем свет стоит конкурента или, вот как сейчас, болтал от нечего делать сущую чепуху.

– А на даче у моего приятеля был камин, – продолжал Альберт Витальевич, закуривая сразу две сигареты и одну из них протягивая Лере, – роскошь по тем временам прямо-таки царская. Ну, и вечером он этот камин зажег... А американец ему и говорит: знаешь, мол, мистер Вася, я и так отношусь к тебе с подобающим уважением, незачем мне еще и пыль в глаза пускать... Мистер Вася, ясное дело, не понял, что случилось. «Какая, – говорит, – пыль?» А американец ему: так, мол, и так, я не хуже твоего знаю, сколько стоят березовые дрова. Разве же можно их просто так в камине жечь? Лучше бы, говорит, ты свой камин долларами топил...

Лера, наконец, улыбнулась, показав ровные белые зубы.

– По-моему, это байка, – сказала она своим бархатным голосом и затянулась сигаретой.

– По-моему, тоже, – согласился Альберт Витальевич. – Этот мой приятель обожал травить байки.

– Вы расстались? – спросила Лера.

Альберт Витальевич бросил в ее сторону быстрый косой взгляд, который, увы, ничего не прояснил: пушистые ресницы Леры были опущены, а на губах опять играла вежливая кошачья полуулыбка.

– Давно, – не очень охотно ответил он.

– А почему?

«Так тебе все и расскажи», – с неудовольствием подумал Альберт Витальевич.

– Да так, – сказал он, сопроводив свои слова неопределенным жестом, – жизнь развела... Ты же знаешь: в бизнесе друзей нет. А тем более в политике. Времена нынче такие, что совместного бизнеса ни одна дружба не выдержит.

Он замолчал, спохватившись, что едва не наговорил лишнего. Лера – это бы еще куда ни шло, но здесь ведь был еще и Юрген – привычный и безмолвный, как предмет мебели, но при этом все слышащий, все замечающий, мотающий на ус и включающий в свои непонятные простым смертным расчеты. Да и Лера, если разобраться, та еще штучка. Спать-то он с ней спал, но вот кто она такая и откуда взялась, знал исключительно с ее слов. Его служба безопасности билась над этой задачей уже второй год подряд, но ни подтвердить, ни опровергнуть эти самые слова до сих пор так и не смогла. Это наводило на неприятные размышления; к тому же Юргена в дом привела именно Лера, и, как всегда, стоило лишь Альберту Витальевичу об этом вспомнить, как в мозгу жужжащим роем закружились подозрения. Возможно, это был сложный, хорошо продуманный, рассчитанный на годы вперед заговор. А почему бы и нет? Свалить такую фигуру, как Альберт Жуковицкий, – дело непростое, и действовать тут надобно с умом. В том-то и беда, что среди его врагов и конкурентов дураков не осталось: он теперь вышел на такой уровень, куда дураку просто не добраться. На такую высоту, если хотите знать, далеко не каждый умный вскарабкается, зато скovyрнуться с нее – легче легкого...

Юрген в углу громко зашуршал бумагами и деликатно кашлянул в кулак, давая понять, что готов высказаться. Задача перед ним была поставлена важная, решал он ее без малого неделю, а явившись сюда, к Альберту Витальевичу домой, зачем-то попросил еще часок для какой-то там проверки расчетов. Жуковицкий подозревал, что сделано это было просто для солидности, чтобы набить себе цену, но спорить не стал: каждый зарабатывает как умеет. Главное, чтобы результат был, а так пусть хоть на голове стоит, если ему от этого легче...

– Ну, что там у тебя, Эрнст Карлович? – привычно сдержав снисходительную улыбку, поинтересовался Альберт Витальевич.

Юрген шумно выбрался из кресла, собрал бумаги в охапку и пересел поближе к Жуковицкому. Альберт Витальевич подвинул бутылку и пепельницу, освобождая на столе место для его бумажек, и залпом допил виски. Пока Юрген раскладывал на столе свои исчерченные окружностями и странными геометрическими фигурами бумаги, Жуковицкий раздавил в пепельнице

сигарету и откинулся на спинку кресла, приготовившись слушать. Во всей этой процедуре было что-то от сеанса черной магии, даже несмотря на то, что уже после второй встречи с астрологом Альберт Витальевич заставил того отказаться от привычной шаманской атрибутики – ароматических палочек, хрустальных пирамидок и прочей дребедени, при помощи которой такие вот самозванные эстонцы вечно норовят запудрить мозги.

В камине треснуло полено. Звук получился громкий, как выстрел из спортивного пистолета; Юрген вздрогнул от неожиданности, суетливо перебрал бумаги, сдернул с переносицы очки и принялся протирать их мятым носовым платком.

– Кстати, Эрнст Карлович, – с улыбкой сказал ему Жуковицкий, – все время забываю тебя спросить: ты почему компьютером не пользуешься? Попробуй, тебе понравится. Чертовски удобная штука! Не придется, по крайней мере, с бумажками возиться. Вечно у тебя полный портфель этой макулатуры, прислуга после тебя из-под каждого стола, из-под каждого дивана листки выгребает...

Юрген смущенно, чуть виновато улыбнулся, водружая очки на переносицу.

– Компьютер – вещь бездушная, – заявил он. – К тому же меня раздражает, когда запрограммированный какими-то невеждами железный ящик пытается думать за меня, править мой стиль и орфографию... причем править, заметьте, абсолютно безграмотно. Так что я, с вашего позволения, буду работать по старинке. Мой компьютер вот здесь, – он постучал себя согнутым пальцем по лбу, – и ему я доверяю. Он не испортится в самый ответственный момент, пустив псу под хвост результаты недельного труда...

– Тоже верно, – согласился Жуковицкий. – Хотя в наше время головы портятся едва ли не чаще компьютеров...

– Ну, если у меня испортится голова, компьютер ее точно не заменит, – заметил Юрген. – Да и мне в таком случае будет уже безразлично, сколько при этом пропадет файлов.

– Нет уж, Эрнст Карлович, – хмыкнув, полушутливо запротестовал Жуковицкий, – ты свою голову, пожалуйста, побереги! Где я вторую такую найду?

– Полагаю, это будет непросто, – без ложной скромности сообщил Юрген.

– Я тоже так полагаю, – согласился Альберт Витальевич, краем глаза заметив скользящую по губам Леры понимающую улыбку.

Юрген и впрямь был незаменим. Как всякий по-настоящему талантливый человек, он на восемьдесят процентов состоял из непроходимой житейской глупости; манипулировать им было одно удовольствие, и найти второго столь же наивного и в то же время полезного человека тут, в выдавшей всевозможные виды, умудренной опытом Москве, действительно не представлялось возможным.

– Ну-с, так что там с моим пакетом акций? – спросил Жуковицкий, сразу переходя к делу и не давая тем самым Юргену углубиться в дебри профессиональной терминологии.

Эрнст снова кашлянул в кулак и тяжело вздохнул. Вид у него разом сделался озабоченный и вроде бы даже недовольный, из чего следовало, что по поводу интересующего Альберта Витальевича пакета акций он не может пока сказать ничего утешительного. Жуковицкий привычно подавил вспыхнувшее было раздражение, напомнив себе, что Юрген, он же Юркин, все-таки не колдун, не черный маг, а всего-навсего астролог. Он способен с большей или меньшей степенью вероятности предугадать грядущие события, но влиять на них ему не под силу. Влиять на события – прерогатива Альберта Витальевича, а Юрген может только снабжать его информацией, необходимой для того, чтобы это влияние приносило максимальную отдачу.

– Что такое? – спросил Альберт Витальевич с едва заметным оттенком иронии. – Звезды ко мне неблагосклонны?

Астролог опять вздохнул, покопался в бумагах и, покосившись в сторону сидевшей на диване Леры, негромко, но твердо объявил:

– С вашего позволения, я хотел бы говорить конфиденциально.

Жуковицкий недоуменно поднял бровь: это было что-то новенькое. Обычно присутствие Леры, которая, собственно, ввела Юргена в этот дом и являлась его благодетельницей и заступницей, астрологу никоим образом не мешало. А тут – здравствуйте, пожалуйста! – конфиденциальность ему подавай...

Альберт Витальевич еще не успел решить, как ему реагировать на это беспрецедентное заявление, а Лера уже встала, грациозно потянулась и направилась к дверям.

– Пойду проверю, как там ужин, – сказала она. – Не скучайте, мальчики.

Юрген поспешно вскочил, едва не опрокинув стол, и склонился в полупоклоне, прижав к сердцу растопыренную пятерню, блестя очками и расточая извинения. На Леру он не смотрел, а прямо-таки пялился. В какой-нибудь Америке за один такой взгляд на него непременно подали бы в суд, как на сексуального маньяка. Что ж, очень может быть, что катить бочки на Леру он начал именно по причине неразделенной, так сказать, любви – получил от ворот поворот и решил, недотыкомка этакий, отомстить в меру своих сил и возможностей...

Альберт Витальевич подниматься не стал, а просто, поймав проходящую мимо Леру за руку, на мгновение прижался губами к теплой узкой ладони.

– Ну, – угрюмо сказал он, когда женщина вышла, – что это еще за новости? Опять будешь мне сказочки про Шемаханскую царицу рассказывать?

– Я хочу, чтобы вы взглянули сюда, – заявил Юрген, усаживаясь и выкапывая из груды бумаг на столе какой-то лист, на взгляд Альберта Витальевича ничем не отличавшийся от всех прочих. Было на нем несколько пересекающихся окружностей, пропасть жирных точек, соединенных между собой прямыми линиями, и уйма каких-то формул, нацарапанных корявым почерком Юргена. Половина формул была написана черным, а вторая – почему-то красным. – Я составил уточненную космограмму, – продолжал Эрнст, мягко, но настойчиво подсовывая лист Жуковицкому, – основываясь на последних полученных данных. Вот, взгляните, пожалуйста, сюда...

– Да не стану я никуда глядеть! – возмутился Альберт Витальевич, отталкивая лист. – Все равно в твоих каракулях черт ногу сломит. Ну, что ты мне суешь? Я же в этих закорючках ни черта не понимаю! Сколько раз тебя просить: объясни простыми словами, что тут у тебя к чему! А не можешь сказать по-человечески, так и не пудри тогда мозги...

Юрген надулся – ну, ей-богу, как маленький! – и придвинул помявшийся с краю лист к себе.

– По-человечески... – разглаживая мятую бумажку ладонью, повторил он с такой интонацией, словно впервые слышал это выражение и не совсем понял, что оно означает. – Простыми словами... Что ж, тогда я буду краток: вы в большой опасности.

– Эка невидаль, – хладнокровно произнес Жуковичский. – Я всегда в опасности. В полной безопасности только покойники, а мне до этого состояния еще очень далеко!

– Гораздо ближе, чем вы думаете, – сказал астролог.

Альберт Витальевич опешил.

– Ты чего, звездочет, белены объелся? С чего ты это взял?

Юрген вооружился шариковой ручкой с явным намерением пуститься в объяснения.

– Вот, посмотрите...

– По-русски, – коротко напомнил Жуковичский, и астролог с видимым сожалением оставил космограмму в покое. – Давай, выкладывай, что тебе твои звезды нашептали и, главное, при чем здесь Лера. Что-то ты, Эрнст Карлович, в последнее время на нее наезжаешь. С чего бы это, а?

– Мои расчеты уже на протяжении месяца указывают на угрозу, исходящую со стороны Валерии Алексеевны, – пропустив шпильку мимо ушей, сказал Юрген.

– Говно твои расчеты, – немедленно перебил его Жуковичский. – Не поверю, чтобы Лера...

– Я не сказал, что угроза исходит от Валерии Алексеевны, – твердо возразил Юрген, – я сказал: с ее стороны.

– Не вижу разницы, – проворчал Альберт Витальевич.

– Тем не менее она существует. Валерия Алексеевна не имеет против вас умысла, как не имеет его яма, в которой вы рискуете сломать ногу, или готовящийся свалиться вам на голову кирпич. И даже не сам кирпич, а крыша, на краю которой он лежит...

– Не понимаю, – сказал Жуковицкий.

Это была неправда, но ему хотелось, чтобы Юрген, пропади он пропадом, наконец-то начал выражаться яснее – по-русски, по-человечески, как его и просили.

– Ну, например, если я скажу вам, что за углом вас поджидает некая неприятность, вы ведь не станете обвинять угол, верно? И меня вы не обвините в том, что я возвожу на этот угол напраслину...

– Ясно, ясно. Не она, а из-за нее, так?

Юрген кивнул. Альберт Витальевич пожал плечами.

– Ну, так это и без астрологии ясно. Спросил бы меня, я бы тебе то же самое сказал. Из-за женщин у нас, мужиков, вечно сплошные неприятности, так что же мне теперь – оскопиться? У тебя имеется какая-то конкретная информация или опять одни туманные домыслы?

– Нет, – сказал Юрген, – никаких домыслов. Расположение звезд таково, что двойное толкование исключено полностью. Все случится в ближайшее время, скорее всего, послезавтра, и спасти вас могут только самые решительные действия.

– Так-так, – подаваясь вперед, произнес Альберт Витальевич, – это уже интересно. Давай-ка с этого места поподробнее...

Разговор длился почти час, а когда астролог, наконец, ушел, Альберт Витальевич еще долго сидел неподвижно, глядя застывшим взглядом на тлеющие в камине угли и пытаясь понять, кто он все-таки такой, этот Эдик Юркин – чародей или платный провокатор.

В ресторане было пусто. Скучавший у дверей охранник, по совместительству выполнявший функции зазывалы и потому наряженный в японское кимоно и широкие самурайские штаны – хакама, находившиеся в противоречии с его сытой, типично славянской физиономией, от нечего делать обратил внимание на посетителя, который подъехал к заведению на новенькой серебристой «десятке». Демократичный отечественный автомобиль пребывал в таком же несоответствии с дорогим костюмом клиента и фешенебельным рестораном, куда тот заскочил перекусить, как и самурайский наряд охранника с его обликом солнцевского быка. Охранник проводил клиента задумчивым взглядом до самых зеркальных дверей, после чего сразу же забыл о нем, вернувшись к привычному занятию – выковыриванию грязи из-под ногтей.

Занимаясь этим в высшей степени важным и ответственным делом, охранник время от времени поглядывал на припаркованную у ресторана «десятку», всю рябую от капель нудного моросящего дождика. Сам он ездил на джипе – маленьком, трехдверном, да вдобавок изрядно потрепанном «исудзу». Но все-таки это был джип, а не «жигуленок»! При этом костюм, в который был одет владелец вот этой гордости отечественного автопрома, стоил, наверное, немногим дешевле его автомобиля. С чего бы это?

Впрочем, еще немного поковырявшись у себя под ногтями, охранник решил, что тут все ясно. Просто тип, приехавший на «десятке», – мелкий, но рассчитывающий сделать карьеру служащий какой-нибудь солидной, уважаемой фирмы. Дорогой костюм для него – рабочая одежда и даже, если угодно, оружие производства. А автомобиль – тоже, кстати, не самый дешевый, – просто средство передвижения, с помощью которого только и можно уберечь упомянутый выше костюм от неприятных последствий давки в общественном транспорте и уличной грязи. Кроме того, портфель – тонкий, матерчатый, но тоже новенький и дорогой, – клиент не оставил в салоне автомобиля, а захватил с собой в ресторан. Возможно, здесь у него была назначена деловая встреча. Пытаясь произвести впечатление на потенциального партнера, люди, как правило, не скупятся...

Стоило охраннику прийти к такому выводу, как напротив входа в ресторан остановилось такси – обыкновенная «Волга» цвета яичного желтка, размазанная до такой степени, что напоминала рекламный щит на колесах. Оттуда выбрались двое крепких ребят. Охранник убрал в карман зубочистку, он

всегда настораживался при виде себе подобных. Эти мальчишки, на его взгляд, были не из тех, что ездят на такси и обедают в дорогих японских ресторанах – в качестве средства передвижения им, по мнению охранника, куда больше подошел бы «лэндкрузер», а то и «хаммер», зато еда требовалась попроще и посытнее, чем морепродукты с неизменным рисом. На потенциальных деловых партнеров щуплого очкарика в дорогом заграничном костюме эти ребята тоже не походили, хотя тут, в Москве, да и вообще в России, можно увидеть и не такие чудеса.

Навес над входом в ресторан был совсем маленький, а эта парочка славянских шкафов явно не привыкла вежливо ужиматься, проскальзывать куда-либо боком и вообще тесниться, так что охраннику волей-неволей пришлось выйти под дождик, чтобы освободить путь. Этого, увы, оказалось мало: один из подъехавших в такси мордovorотов выжидательно повернул к нему широкую красную ряшку, даже не пытаясь взяться за дверную ручку. Мысленно обматерив этого доморощенного аристократа, охранник привычно вошел в роль, шагнул вперед и, угодливо согнув спину, распахнул зеркальную дверь. Первый мордovorот шагнул мимо него, как мимо пустого места, зато второй небрежно сунул в моментально протянувшуюся руку хрусткую бумажку серовато-зеленого оттенка.

– Аригато, – механически поблагодарил охранник.

Это было единственное слово, которое он знал по-японски, зато, пожалуй, самое нужное на этой вредной работе. В самом деле, чего только люди не вытворяют ради денег!

Добыча, кстати, оказалась плевой – несчастных десять баксов. Впрочем, день – время мертвое, клиентов мало, и на чай дает далеко не каждый. Ничего, скоро наступит вечер, крупная рыбка пойдет косяком, денежки рекой польются... А пока что и десять тугриков – навар. Как говорится, ни одна блоха не плоха...

Пассажиры желтого такси пробыли в ресторане совсем недолго, минут пять, от силы десять. Охранник как раз закончил чистить ногти на левой руке и перешел к правой, когда дверь у него за спиной вдруг распахнулась с таким дребезгом, словно изнутри ее без особенных церемоний пнули ногой. Колокольчики так и зашлись беспорядочным бряканьем и звоном, и на крылечке появились, не без труда протиснувшись в узковатый для такой компании проем, давешние мордovorоты, между которыми, обнимая их за обтянутые черной кожей крутые

плечи, мешком висел тот самый очкарик – обладатель серебристой «десятки», дорогущего костюма «от кутюр» и плоского матерчатого портфеля. Ноги его в дорогих кожаных туфлях бессильно волочились, бороздя носками пол, голова свесилась на грудь и моталась из стороны в сторону, галстук выбился из-под пиджака и висел строго вертикально, как строительный отвес. Мордовороты заботливо поддерживали его с двух сторон, не давая упасть. Один из них нес в свободной руке портфель, а другой – очки. Лица несчастного охранник не видел, зато отлично разглядел длинное волокно морской капусты, прилипшее к галстуку, и расплывшееся вокруг этого волокна жирное пятно, хорошо заметное на гладком однотонном шелке.

Он посторонился, не зная, что и думать, но уже понимая, что лучше не думать вообще. Очкарик провел в ресторане около получаса, даже меньше. Надраться до полного беспамятства слабеньким японским сакэ за это время было, по мнению охранника, немыслимо. Хотя люди, конечно, бывают разные – кому-то ведра мало, а кто-то понюхает пробку и готов...

Зато двое мордоворотов пробыли внутри всего ничего – практически, только вошли и вышли. Как будто знали, что очкарику станет плохо, и приехали специально, чтобы его забрать. Как будто он их вызвал. Как будто...

– Слышь, самурай, – обратился к охраннику тот из мордоворотов, который нес очки. Очки эти он на глазах у охранника аккуратно положил в нагрудный карман куртки, потом залез освободившейся рукой в другой карман, боковой, и вынул оттуда ключ на брелоке с логотипом ВАЗа. – Не в службу, а в дружбу. Открой-ка вон ту тачку. Видишь, сомлел человек.

– Что это с ним? – не торопясь выполнять просьбу, которая прозвучала, как приказ, поинтересовался охранник. – Когда он успел так нарезаться? Припадочный, что ли?

– Почему – припадочный? – обиделся бык с портфелем. – Может человеку стать плохо? А то сразу – припадочный... Надо еще разобраться, не от вашей ли жратвы его скрутило.

– Может, «скорую» вызвать? – спросил охранник.

– Вызовут, – пообещал первый мордоворот. – Еще пара вопросов, и без «скорой» дело точно не обойдется.

Охранник понял намек и без дальнейших разговоров пошел открывать «десятку». Быки аккуратно погрузили очкарика на заднее сиденье и положили рядом с ним портфель. Во время этой процедуры охранник с облегчением убедился, что возникшее у него подозрение оказалось беспочвенным – очкарик был жив, хотя и выглядел не ахти. Крови не было, а все остальное охранника не касалось. Может ведь, в самом деле, человеку стать нехорошо за обедом?

Отступив от машины на шаг, он едва не наткнулся на ментов – обыкновенных сержантов патрульно-постовой службы, в обязанности которых как раз входит поддержание порядка в общественных местах. Морды у сержантов были знакомые, примелькавшиеся – охранник видел их частенько, особенно по вечерам, когда у человека в погонах появляется масса возможностей пощипать перебравших клиентов или ресторанных шлюх.

– Чего тут у вас? – спросил один, без особенного любопытства глядя на обмякшего на заднем сиденье собственной машины очкарика.

– Да вот, клиент перебрал, – чисто рефлекторно, не успев продумать даже самые очевидные последствия такого ответа, сказал охранник.

– А, – равнодушно произнес мент, и парочка спокойно двинулась по маршруту.

Охранник подавил вздох. Все было, как всегда. Они, черт бы их побрал, даже не поинтересовались, кто и куда намеревается везти потерявшего сознание человека, хотя наверняка заметили – не могли не заметить, – что щуплый клерк в дорогом заграничном костюме никак не может быть приятелем или хотя бы хорошим знакомым двух быков в кожаных куртках. Ну, что же, если ментам на это наплевать, то ему и подавно...

– Молодца, братан, – сказал ему мордоворот, из нагрудного кармана у которого до сих пор торчали очки в тонкой золотой оправе. – Правильно мыслишь! Валяй в том же духе, для здоровья это очень полезно. Держи за труды.

На этот раз охраннику даже не пришлось в голову сказать свое коронное «аригато», хотя получил он не вшивую десятку, а две бумажки по сто долларов.

Повернувшись к машине спиной, он побрел под морозящим дождичком на место, под навес. За спиной у него заработал стартер, фыркнул глушитель, и стало тихо.

В дверях уже стоял официант. Вид у него был встревоженный и озабоченный, и охранник про себя порадовался тому обстоятельству, что свидетелем происшествия стал мужик. Бабы, пока жизнь их хорошенько не помнет, пребывают в блаженной уверенности, что днем, да еще в центре большого города, да еще и на своем рабочем месте, могут перекричать кого угодно и прекратить любое безобразие, и ничего им за это не будет на том простом основании, что они – бабы, то есть женщины, которых, как известно, обижать нельзя. Мужчине, видите ли, дать в рыло и даже засунуть перышко под ребро можно – на то он и мужчина. А им, понимаете ли, нельзя... Тьфу!

– Ты что-нибудь понял? – спросил официант, глядя в ту сторону, где скрылась серебристая «десятка».

– А чего тут понимать? – извлекая из-под кимоно сигареты, деланно изумился охранник. – Нарезался, как свинья, средь бела дня...

– Он выпивку даже не заказывал, – сообщил официант. – Сидел, жевал, читал газетку. Тут входят эти двое, подошли, присели, переговорили о чем-то, потом встали, обступили, гляжу – уже волокут... Хорошо, хоть по счету расплатились... Только дело тут все равно нечисто, отвечаю.

Охранник со скучающим видом посмотрел в серое небо, с которого продолжал сеяться мелкий нудный дождичек, прикурил сигарету и вздохнул.

– Тебе на чай дали? – спросил он.

Вообще-то, задавать такие вопросы у них было не принято: считалось, что чаевые – это личное дело каждого. Однако вопрос был задан, и не просто так, из праздного любопытства. Официант это понял и потому ответил, как на духу:

– Десять баксов сунули, жлобы.

– На, возьми, – сказал охранник, отдавая ему одну из полученных от клиентов стодолларовых купюр. – И моли бога, чтобы больше их не видеть. У них свои дела, у тебя – свои. Тебе что, больше всех надо?

– В смысле? – не понял официант, который работал тут всего третью неделю и еще не успел до конца понять, что к чему.

– В смысле, береги здоровье, – сказал ему охранник. – Его потом ни за какие бабки не купишь.

Докурив, он бросил окурок в урну у входа, напоследок огляделся по сторонам и нырнул в тепло и вкусные запахи ресторана: настало самое время перекусить и выпить чашечку крепкого кофе.

Глава 2

На закате, который был не виден за сырыми плотными тучами, на обочину пустого загородного шоссе съехала серебристая «десятка». Шины коротко прошуршали по гравию, оставляя на нем неглубокие продолговатые вмятины. Тормозные огни погасли; «дворники», в последний раз смахнув с ветрового стекла капли дождя и брызги дорожной грязи, замерли в крайнем нижнем положении. Двигатель заглох, фары погасли, но из машины никто не вышел.

Моросящий дождь поливал и без того мокрый асфальт, тихо шумел в кронах обступивших узкую полосу пустого шоссе сосен, стекал по голым красноватым ветвям берез и желтой прошлогодней листве придорожных кустов. Изредка налетавший откуда-то короткими порывами ветер срывал тяжелые капли с мокрых ветвей, и они выбивали короткую барабанную дробь по крыше автомобиля. Стекло со стороны водителя было немного опущено, и в узкую щель лениво выплывали, моментально растворяясь в сыром воздухе, синеватые клубы табачного дыма.

Так прошло две или три минуты. Потом где-то за поворотом возник характерный шум движущегося на большой скорости по мокрой дороге мощного автомобиля, и вскоре оттуда в облаке мелких водяных брызг показался, тускло сияя

включенными фарами, тяжелый японский джип. С ходу проскочив мимо «десятки», внедорожник резко затормозил, прошел пару метров юзом, оставляя на мокром асфальте две курящиеся паром полосы, включил белые фонари заднего хода и, пятясь, съехал на обочину, остановившись в полуметре от капота «десятки». С забрызганного грязной водой чехла запасного колеса свирепо скалил зубы нарисованный тигр, привинченная к мокрому железу пластина номерного знака была украшена державным триколором, свидетельствовавшим о принадлежности владельца автомобиля к депутатскому корпусу.

Обе передние дверцы джипа распахнулись одновременно, и оттуда ловко выпрыгнули двое крепких молодых парней. На ходу поднимая воротники кожаных курток и втягивая в плечи круглые стриженные головы, они торопливо подошли к серебристой «Ладе», откуда навстречу им, точно так же ежась от сырости, вылезли еще двое – такие же молодые, спортивные, коротко стриженные и так же одетые в черную скрипучую кожу.

– Все нормально? – спросил один.

– А то ты не видишь, – лениво отозвался водитель «десятки», до самого верха затягивая «молнию» своей кожанки. – Раз мы тут – значит, все нормально.

– Ну так какого хрена тут мокнуть? Раньше сядем – раньше выйдем.

– Типун тебе на язык, – сказал водитель «десятки» и, повернувшись, распахнул заднюю дверцу. – Вылезай, урод. Поезд прибыл на конечную станцию, просьба освободить вагоны!

Подождав немного, он наклонился к открытой двери и протянул руку с явным намерением помочь тому, кто сидел внутри, «освободить вагоны», но пассажир уже выбирался наружу – медленно, с трудом, с явной неохотой, но выбирался, поскольку деваться ему все равно было некуда.

Его дорогой заграничный пиджак куда-то пропал, равно как и галстук, и очки, и тонкий матерчатый портфель. Еще совсем недавно идеально отутюженные брюки были измяты и испещрены какими-то пятнами, в которых, если приглядеться, можно было узнать обыкновенную грязь, известку, кровь и даже, кажется, рвоту. Разорванная в нескольких местах, выбившаяся из брюк,

расстегнутая почти до самого низа, когда-то белая рубашка выглядела не лучше; разбитое в кровь, распухшее до неузнаваемости лицо ровным счетом ничего не выражало – это был просто кусок сине-черного окровавленного мяса. Двигаясь неуверенными, судорожными рывками, как испорченная заводная кукла, избитый до полусмерти человек вылез из машины и выпрямился, ожидая дальнейших распоряжений своих мучителей – казалось бы, еще живой, но уже практически вычеркнутый из списков живущих.

Водитель «десятки» схватил его за плечо, грубо развернул лицом к лесу и толкнул между лопаток в сторону придорожного кювета.

– Пошел, падаль!

Избитый человек сделал два неверных шага и упал на колени, упершись обеими руками в каменистую землю обочины.

– погоди, Муха, – сказал водитель джипа. – Вечно ты торопишься, как голый на бабу...

Хрустя мокрой щебенкой, он подошел к джипу, открыл багажник и, вынув оттуда лопату с чистым, явно ни разу не бывшим в употреблении черенком, швырнул ее на землю рядом с пленником.

– Бери, – сказал он, – пригодится.

Окровавленная, ободранная ладонь механическим движением сомкнулась на чистом дереве черенка, пачкая его кровью и грязью. Пленник с трудом поднял лопату, слабым ударом вогнал кончик выкрашенного черной краской штыка в неподатливую смесь мокрого песка и щебенки и тяжело поднялся, опираясь на черенок, как на костыль.

– Пошел, – повторил водитель «десятки», и он пошел, с трудом передвигая подгибающиеся ноги, глядя прямо перед собой и волоча по земле лопату, кончик которой чертил на песке извилистую, дрожащую линию.

Жуткое окровавленное пугало, очень мало напоминавшее человека, несколько часов назад уверенно входившего в дорогой японский ресторан, спустилось в

неглубокий, заросший мокрой желтой травой кювет, пересекло его, оставляя в траве широкую борозду, с трудом выбралось на противоположную сторону и, не разбирая дороги, двинулось в лес. Водитель джипа поглядел ему вслед, выплюнул намокшую сигарету, растер ее подошвой ботинка и снова полез в багажник. Вынув оттуда, поставил на землю полиэтиленовый мешок, в каких хранят удобрения, с закрученной и перевязанной обрывком веревки горловиной. В мешке была известь.

Деловито захлопнув дверь багажного отсека, водитель достал новую сигарету, закурил и подхватил с земли мешок.

– Айда, – сказал он своему напарнику, держа дымящуюся сигарету огоньком в ладонь, чтобы не мокла, – наша очередь.

– Давайте-давайте, – поддержал его водитель «десятки». – Нам этот петух за полдня уже вот так надоел!

Он чиркнул ребром ладони по кадыку, показывая, до какой степени ему надоел «этот петух», и, не дожидаясь ответа, полез обратно в машину. Его товарищ с удовольствием последовал этому примеру. Устроившись на сиденьях, они закурили и стали без особого любопытства наблюдать за развитием событий сквозь забрызганное дождем стекло.

По-прежнему не разбирая дороги, как потерявший управление механизм, безучастно глядя прямо перед собой, приговоренный продрался через мокрые придорожные кусты и побрел по мягко подающемуся под ногами покрывалу мха, опавшей хвои и тронутых тлением, почерневших березовых листьев. Мокрые ветки хлестали его по распухшему от побоев лицу, но он не делал попыток уклониться или хотя бы прикрыться рукой – ему было все равно, он больше не ощущал боли или она стала ему безразлична. У него за спиной негромко потрескивали гнилые сучья – убийцы в кожаных куртках неторопливо шли следом, и один из них нес испачканный изнутри сероватой негашеной известью полиэтиленовый мешок.

– Стой, – сказал человек с мешком, когда дорога скрылась из вида, заслоненная стволами деревьев и кустарниками. – Давай, копай. Да не сачкуй, для себя же стараешься. Даю тебе полчаса. Сколько выкопаешь – все твое. Я бы на твоём месте постарался. Кому охота, чтоб собаки косточки глодали?

Помедлив, приговоренный повернулся к своим палачам. Разбитые, толстые, как оладьи, губы раздвинулись, из черной щели беззубого рта слышался невнятный, шипящий звук.

– Чего? – издевательски переспросил водитель джипа, опуская на землю мешок.

– Мне обещали, – с трудом выговаривая слова, произнес приговоренный. – Если все скажу, буду жить.

– Такой большой, а в сказки верит, – попыхивая сигаретой, сообщил водитель своему напарнику. – Давай, копай, козья морда! Долго нам тут торчать? Не видишь, что ли, дождик идет! А я, блин, простуды боюсь, понял?

– Понял, – хрипло произнес приговоренный и взял лопату наперевес.

– Ну, так и не тани, – посоветовал водитель. – Чего зря мучиться? Главное, не дрейфь, больно не будет. Все самое плохое с тобой уже случилось.

Приговоренный пару раз кивнул головой. Впечатление было такое, что ему просто тяжело ее держать, но это были именно кивки – похоже, он тоже считал, что хуже ему уже не будет.

– Короче, – обращаясь к своему напарнику и явно продолжая начатый еще по дороге сюда рассказ, уже совсем другим тоном заговорил водитель, – эта коза ему бакланит: я, говорит, девушка честная, я этого твоего клофелина сроду в глаза не видела и даже, базарит, не знаю, что это такое и с чем его едят. Нажрался, мол, как свинья, сам бабки потерял, а теперь я виновата...

– Вот сука, – сочувственно сказал напарник.

– Ну! – горячо подхватил водитель. – Развелось их, как на бродячей собаке блох, нормально перепихнуться не с кем. Короче, берет он ее за хобот и тащит к Таракану на фазенду. А она...

Приговоренный неуверенно ткнул лопатой в мох, отвалил косматый, слежавшийся пласт, обнажив рассыпчатый желтый песок с черными комочками старых сосновых шишек. Голоса убийц доносились до него словно издалека.

Боли не было – он просто не чувствовал своего тела. Страха он тоже не испытывал, и это было странно – рыть для себя могилу, зная, что через несколько минут перестанешь существовать, и ни капельки при этом не бояться. Не было даже обиды на тех, кто втравил его в эту историю, из-за кого он сейчас стоял под дождем и копал яму, в которой когда-нибудь, быть может, найдут его черные, обглоданные известью кости. Впрочем, это вряд ли: кому он нужен? Его использовали, как клочок туалетной бумаги, только и всего. А кого интересует туалетная бумага после того, как ею воспользовались?

Как ни странно, мысли его были ясны и текли плавно, не путаясь и не сбиваясь. Такой финал сейчас казался ему вполне закономерным: он шел к этой минуте всю свою жизнь, уклоняясь от конфликтов, всегда выбирая меньшее из двух зол, не замахиваясь плетью на обух, не плюя против ветра – словом, везде и всюду двигаясь по линии наименьшего сопротивления. Когда финансовый директор одной из принадлежащих хозяину фирм у него на глазах по самое плечо запустил руку в хозяйский карман и предложил ему малую толику за молчание, он не стал возражать: малая толика, если разобраться, была не так уж и мала, а об умении хозяина быть благодарным в кругу сослуживцев ходили легенды – разумеется, мрачные.

Потом, когда к нему явился некий тип в цивильном костюме и предъявил сначала корочки майора ФСБ, а потом и подробную аудиозапись его переговоров с проворовавшимся финансовым директором, он опять двинулся по пути наименьшего сопротивления – не пошел к хозяину с повинной, не подался в бега, а покорно принял предложенные условия. Тем более что условия эти казались не слишком обременительными – так, кое-какая информация о деловых связях и привычках хозяина, за которую к тому же платили живыми деньгами.

И теперь, когда все это каким-то непостижимым образом вылезло наружу, как шило из мешка, он с привычной покорностью ковырял новенькой лопатой густо перевитый сосновыми корнями песок, не осмеливаясь даже возразить: дескать, хотите спрятать труп – копайте сами, а я в гробу видал эти земляные работы...

Дождь как-то незаметно прекратился, налетевший ветер прогнал тучи, и, подняв голову, приговоренный увидел над верхушками сосен розоватое закатное небо. Разглядеть солнце мешали деревья, и это было дьявольски обидно: умереть, так и не увидев напоследок, как садится солнце...

Опустив глаза, он посмотрел на своих палачей. Они стояли в какой-нибудь паре шагов, обращая на него внимания не больше, чем на можжевельный куст, и оживленно что-то обсуждали. Сосредоточившись на том, что они говорили, бедняга осознал, что речь идет о зверском групповом изнасиловании пойманной с поличным проститутки-клофелинщицы, которую, натешившись вдоволь, придушили куском изоляционного провода и закопали где-то в лесу за чертой какого-то дачного поселка. Судя по всему, палачи находили это происшествие забавным. Морды у них были сытые, тупые и самодовольные, как у парочки племенных хряков, на кожаных куртках поблескивали, подсыхая, капли дождя. Неожиданно для себя приговоренный понял, что держит в руках лопату и что это орудие труда можно использовать по-всякому. В конце-то концов, терять ему уже действительно нечего, так сколько можно плыть по течению?!

Увлеченный разговором водитель джипа заметил угрозу слишком поздно. Он не успел даже закрыться рукой, и испачканный налипшим желтым песком штык лопаты с размаху опустился на его стриженую голову чуть повыше левого виска. Удар был совсем слабый, но здоровенный бык в кожаной куртке, как подкошенный, рухнул на колени, обхватив руками голову. В следующее мгновение коротко бахнул выстрел; приговоренный выронил лопату, качнулся и упал навзничь.

Водитель джипа медленно поднялся с колен, прижимая ладонь к рассеченному лбу. Между пальцами у него текла кровь, он морщился от боли, но в остальном был цел и невредим. Его напарник с побледневшим от испуга лицом стоял рядом, все еще держа на прицеле окровавленное мертвое тело. Из дула пистолета лениво вытекал серый пороховой дымок.

– Ну, – сквозь зубы процедил травмированный водитель, – и нахрена ты это сделал? Кто теперь копать-то будет?

– Так, а чего он? – наконец-то опуская пистолет, пробормотал напарник. – Я уж думал, тебе кранты...

– Кранты, кранты... Соображать надо! Давай, бери лопату и вперед. Как говорится, не хочешь работать головой – работай руками.

– Перевязать надо, – пряча за пазуху пистолет, сказал напарник. – Только промой сначала хорошенько.

– Разберемся, – разглядывая перепачканную кровью ладонь, ворчливо пообещал водитель. – Вот урод! Чуток бы посильнее, и была бы вентиляция... Короче, давай, не возись. Заканчивай тут, а я пойду в аптечке пороюсь...

Он повернулся спиной к убитому и двинулся в сторону дороги, прижимая к ране носовой платок и свободной рукой стряхивая с кожаной куртки насыпавшийся с лопаты сырой песок. Напарник проводил его взглядом, подобрал едва не ставшую орудием убийства лопату и, поплевав на ладони, принялся копать.

* * *

На закате дождь, почти непрерывно ливший полторы недели кряду, вдруг прекратился, небо расчистилось, и над крышами показалась луна – полная, круглая, серебристая, как новенькая никелевая монета, и яркая, как прожектор. Наблюдая это природное явление, Глеб Сиверов чертыхнулся: внезапное улучшение погоды в его планы не входило. Конечно, в центре такого города, как Москва, настоящей ночи не бывает, фонари здесь с успехом заменяют луну, и в смысле видимости луна или отсутствие оной ровным счетом ничего не меняет. Однако, когда после затяжного нудного дождя вдруг выдается вот такой чудный вечерок, обывателя так и тянет на прогулку. А кому прогуливаться лень, тот нет-нет, да и поглядит в окошко – просто так, чтобы лишний раз убедиться в том, что надоевший дождик не зарядил снова. Вот так оно сплошь и рядом и получается: был обыватель, от нечего делать глазеющий в окошко, а стал свидетель, который, сам оставаясь незамеченным, срисовал твою фотокарточку во всех подробностях...

Впрочем, пока Слепой, размышляя в таком духе, искал в условленном месте старенький «форд», а потом гнал эту тарахтящую тележку через запутанный лабиринт дворов и технических проездов к Ленинградке, а оттуда – к Белорусскому вокзалу, погода опять изменилась. При кажущемся безветрии откуда-то приползли тяжелые сырые тучи, и, проезжая мимо Военно-воздушной академии, Глеб увидел, как на треснувшее ветровое стекло упали первые капли дождя. В бегущем розовато-желтом свете уличных фонарей они сверкали и переливались, как драгоценные камни. Это было красиво, и Сиверов медлил включать «дворники», пока стекло не стало совсем рябым.

От припаркованного у обочины милицейского «крайслера» наперерез ему вдруг шагнул, поднимая светящийся полосатый жезл, инспектор ДПС в темном, еще не

успевшем просохнуть дождевике с надвинутым до самых глаз треугольным капюшоном. Глеб поморщился: гаишник, сующийся под колеса в самом начале работы, был, по его мнению, хуже черной кошки. Он дисциплинированно включил указатель поворота и подрулил к обочине.

Рутинная проверка документов отняла совсем немного времени. Убедившись, что все в порядке, инспектор протянул в открытое окно права и техпаспорт и вдруг задержал руку, будто передумав возвращать Глебу документы.

– А почему вы за рулем в перчатках? – спросил он.

– Потому что я киллер, – сообщил Глеб, – и как раз еду к очередному клиенту.

«Идиот», – подумал он при этом, толком не зная, кого именно имеет в виду – гаишника или себя.

– Правда? – протянул гаишник таким тоном, что Сиверов мысленно проклял черта, который дернул его за язык. С ментами и таможенниками шутить нельзя, это известно любому дураку; с ними нельзя шутить, даже если ты чист и невинен, как новорожденный младенец, а уж сидя за рулем чужой машины, с фальшивыми документами и с пистолетом за пазухой, вообще следует быть тише воды, ниже травы. Лучше уж откровенная грубость, чем вот такая, с позволения сказать, шутка...

– Конечно, неправда, – рассудительно, как умственно отсталому ребенку, сказал Глеб. – Просто ладони потеют. Скользко, неприятно, липко...

– Это бывает, – медленно, с явным сомнением согласился гаишник и все-таки вернул документы, не забыв, правда, еще разок сравнить фотографию в водительском удостоверении с оригиналом. – Счастливого пути...

Глеб попрощался с ним так сердечно, как только мог, поднял стекло и аккуратно, как на экзамене по вождению, тронул машину с места. «Плохо, – думал он, вклиниваясь в поток уличного движения. – Теперь этот паршивец меня запомнит. Странно, почему он даже не попытался меня обыскать? Ему ведь очень этого хотелось...»

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он понял причину. Проверяя у него документы, гаишник был один. Второй подошел только что, держа в руке пакет – скорее всего, с какой-то снедью. Первый гаишник что-то горячо ему втолковывал, тыча жезлом вслед уезжающей машине – объяснял, наверное, почему не рискнул своим драгоценным здоровьем, попытавшись обыскать странного типа, управляющего машиной в кожаных перчатках и темных очках, а главное, прямо заявившего, что он – киллер на работе...

Некоторое время Глеб еще поглядывал в зеркальце, гадая, будет ли за ним погоня, а потом выкинул гаишников из головы. Ну, остановили... С кем не бывает! А что примета плохая, так Федор Филиппович абсолютно прав, когда говорит, что суеверие – плод невежества и лени. Легче всего свалить свою неудачу, буде таковая случится, на перебежавшую дорогу черную кошку или, вот как сейчас, на ни в чем не повинного гаишника.

И все-таки эта встреча оставила неприятный осадок. В ней чудилось недвусмысленное предостережение: брось, дурак, не суйся, не рискуй, подожди...

«Старею, – подумал Глеб. – Начинаю беречь здоровье, прислушиваться к внутренним голосам... А что умного может посоветовать внутренний голос? Ему ведь только того и надо, чтоб ты лежал на диване с хорошей книгой в руках, в тепле, сытый и всем довольный, и чтобы звучала хорошая музыка. Внутренний голос потому и называется внутренним, что исходит изнутри, из неизученных недр организма, которому по определению не нужно ничего, кроме еды, питья, сна, секса и немудреных развлечений. Если следовать советам внутреннего голоса, глазом моргнуть не успеешь, как обрастешь шерстью и обзаведешься роскошным, цепким хвостом. Впрочем, пардон: при моей профессии меня вместе с моим организмом шлепнут задолго до того, как у меня что-нибудь такое отрастет в районе копчика...»

Чтобы окончательно отвязаться от навязанных встречей с дорожным патрулем дурных предчувствий, он поплевал через левое плечо, а потом, сверившись с часами, немного прибавил газу. Не сделать дела сегодня означало отложить операцию еще как минимум на неделю, и было неизвестно, что может произойти за эту неделю, и представится ли ему по истечении названного срока еще один столь же удобный случай.

Сегодня была пятница, вечер которой нынешний клиент Глеба, человек педантичный и склонный к традиционному укладу жизни, обыкновенно проводил в ложе Большого театра, где в компании любовницы наслаждался оперными ариями или глазел на мускулистые ляжки балерин. За посещением театра обыкновенно следовал ужин в ресторане, всегда одном и том же, после чего парочка проводила ночь – что характерно, одну-единственную ночь в неделю – в городской квартире любовницы.

Загородный дом клиента охранялся, как крепость на осадном положении. Передвигался он в бронированном «мерседесе», неизменно сопровождаемый одним, а в наиболее ответственных случаях и двумя джипами с охраной. В офисах, учреждениях и общественных местах, которые клиент удостоивал своим посещением, он постоянно оставался на людях, охраняемый как минимум двумя бодигардами. То есть это на виду их постоянно было не меньше двух, а сколько мыкается за кулисами, не зная, чем себя занять, оставалось только догадываться. У него была собственная служба безопасности, оснащенная, вооруженная и обученная, как элитное войсковое спецподразделение, и в этой глухой, неприступной линии обороны имелась только одна брешь: вечер пятницы, когда клиент, руководствуясь одному ему известными соображениями, ночевал в квартире любовницы. В этом не было никакого смысла: жена клиента умерла несколько лет назад от рака в дорогой лондонской клинике, и любовница с тех самых пор открыто жила в его доме, постоянно выходя с клиентом на люди и появляясь с ним на страницах светской хроники. Собственная городская квартира у клиента, разумеется, тоже имелась, и притом не одна, так что эти пятничные ночевки в скромном гнездышке незамужней дамочки можно было объяснить разве что не вполне осознаваемой тягой хоть к какому-то разнообразию.

Гнездышко было трехкомнатное – вполне достаточно, чтобы создать уют и изредка принимать гостей, но маловато для того, чтобы спокойно, без оглядки, предаваться любви, памятуя о скучающих в соседней комнате охранниках. Посему охрана по пятницам оставалась снаружи, неся посменную вахту в припаркованном у подъезда автомобиле. Когда клиент возвращался из ресторана, двое охранников входили в квартиру и производили осмотр – к счастью, как показало установленное Глебом видеонаблюдение, довольно поверхностный. Убедившись, что внутри клиента никто не подстерегает, охранники впускали парочку в квартиру и деликатно удалялись. Хозяин покидал гнездышко в десять утра на следующий день, после чего оно, как правило, пустовало целую неделю, вплоть до следующей пятницы.

Осуществляемая охранниками проверка помещений исключала такой простой способ выполнения задания, как минирование входной двери – мочить охрану Глеб не собирался, да это и не имело смысла, поскольку снаружи оставалось еще трое вооруженных телохранителей. К тому же это была бы грубая, непрофессиональная работа.

Загоняя машину во двор, он вздохнул. Грубая, непрофессиональная работа... А то, что он намеревался сделать через пару часов, это что – образец тонкости и изящества?

Он представил себе, как это будет. Вот охрана, поверхностно осмотрев квартиру и не обнаружив в ней посторонних, запускает клиента с женщиной вовнутрь, прощается и уходит. Клиент, как это у него заведено, подходит к бару, чтобы налить себе граммов двадцать «Тичерз», а хозяйка тем временем переодевается, после чего на четверть часа запирается в ванной. Клиент проводит эти пятнадцать минут, сидя в кресле перед включенным телевизором – листает газету и потягивает виски, время от времени рассеянно поглядывая на экран. Смотрит он, как по заказу, не биржевые новости и не аналитические программы, а низкопробные голливудские боевики со стрельбой и взрывами – включает на середине и без сожаления выключает, как только в ванной щелкает дверная задвижка. Но между включением телевизора и щелчком задвижки проходит четверть часа – бездна времени, за которое с клиентом может случиться (и сегодня непременно случится) какая-нибудь неприятность.

Глеб загнал машину на ярко освещенную стоянку перед Белорусским вокзалом, заглушил двигатель, сунул в ящичек под приборной панелью мобильный телефон и вышел в промозглую сырость ненастного вечера. Фонари размытыми пятнами света сияли сквозь частую сетку мелкого дождя, отражаясь в мокром зернистом асфальте, под ногами блестели лужи. Мокрые разноцветные крыши автомобилей сверкали, словно заново отлакированные, забрызганные грязью борта и крылья милосердно скрывала тень – густая, черная, какая бывает только от ламп повышенной яркости производства всемирно известной фирмы «Филипс». В свете этих ламп, которых кругом было понатыкано просто невообразимое количество, все выглядело каким-то не вполне реальным, совсем иным, чем днем, словно все это – и автомобили на стоянке, и рекламные тумбы, и тяжелый каменный мост, по которому то и дело с грохотом проползали электрички, и даже здание вокзала – специально изготовили на фабрике и установили здесь буквально за десять минут до приезда Глеба. Человек в мокрой офицерской плащ-накидке с огромным треугольным капюшоном,

подошедший к Сиверову, чтобы получить с него плату за стоянку, тоже имел ночной нереальный вид, несмотря на торчавшую в зубах сигарету, огонек которой то и дело выхватывал из густой тени под капюшоном скверно выбритый двойной подбородок.

От привокзальной площади до нужного Глебу места было десять минут неторопливой ходьбы. По мере того, как он удалялся от вокзала, приезжих на тротуаре становилось все меньше. Капли дождевой воды собирались на кончике длинного козырька его кожаного кепи, некоторое время висели, покачиваясь, перед глазами и беззвучно падали вниз, уступая место новым. По плечам и груди кожаной куртки сползали извилистые струйки. Глеб шагал под дождем, старательно думая о всякой всячине – о том, например, как скверно человек приспособлен к климату, в котором вынужден обитать. В жару ему жарко, в мороз холодно, в дождик мокро, а в засуху мечтается о тропическом ливне... Зубы у него портятся – не подходит еда, болячки одолевают – опять же потому, что организм совершенно не приспособлен к образу жизни, который человек поневоле ведет. Может быть, мы и впрямь потомки каких-нибудь инопланетян – потерпевших крушение звездолетчиков или, например, ссыльных преступников, натворивших каких-то нехороших дел в соседней галактике?

Сиверов поймал себя на том, что намеренно думает о чем угодно, только не о предстоящем деле. О деле думать не хотелось. Он провернул уже бесчисленное количество подобных дел, и все это ему порядком надоело.

А с другой стороны – ну, что еще он умеет? Приходилось признать, что момент, когда жизнь еще можно было изменить, бесповоротно упущен. Не в таксисты же идти...

Впереди показалось освещенное ртутным фонарем черное устье сводчатой арки, ведущей во двор нужного дома. И агент по кличке Слепой мигом выбросил из головы посторонние мысли. Начиналась работа, и теперь от того, насколько он будет внимателен и сосредоточен, зависело многое, в том числе и его собственная жизнь.

...В салоне припаркованного на площади перед Белорусским вокзалом потрепанного «форда», в узком ящике под приборной панелью, слева от рулевой колонки, жужжал и мелодично пиликал мобильный телефон, оставленный тут во избежание неприятных неожиданностей – например, вот такого, раздавшегося в неурочное время, звонка. На светящемся дисплее вместо имени или

телефонного номера абонента значилось «Ф. Ф.».

В телефонной трубке, которую прижимал к уху генерал Потапчук, один за другим тянулись длинные гудки. Генерал считал их и, досчитав до двадцати, понял, что ему никто не ответит. Это означало, что он опоздал. Продумывать последствия такого опоздания Федору Филипповичу очень не хотелось, да в этом и не было необходимости: все было ясно и так.

Оставив в покое городской телефон, он снял трубку другого, внутреннего, и коротко бросил в микрофон:

– Мою машину к подъезду.

Услышав в ответ краткое «есть», генерал выдвинул верхний ящик письменного стола и вынул оттуда тяжелый, тускло отсвечивающий вороненым металлом пистолет.

До места он добрался менее чем за четверть часа и сразу понял, что опоздал окончательно. Во дворе старого многоэтажного дома, окружив красную пожарную машину, ворочалась и мокла под морозящим дождем огромная толпа встревоженных, одетых как попало людей, освещенная синими сполохами проблесковых маячков. Слышались разговоры о теракте; поминались недобрым словом кавказцы и наши славные правоохранительные органы, не способные навести в столице хотя бы видимость порядка.

Выбравшись из машины, генерал поднял голову и безошибочно отыскал взглядом три окна на четвертом этаже. Стекла были выбиты, свет внутри не горел. Раздвигая плечом толпу, заранее нащупывая во внутреннем кармане плаща служебное удостоверение, Федор Филиппович двинулся прямо на милицейское оцепление.

Дорогу ему заступил майор с такой откровенно кавказской физиономией, что генерала ничуть не удивило его дурное настроение: у майора имелись все основания принимать раздававшиеся в толпе замечания как по поводу милиции, так и по поводу «черных», от которых в Москве житья не стало, на свой счет.

– Что здесь произошло? – продемонстрировав удостоверение и заставив, тем самым, майора сменить гнев на милость, сердитым начальственным тоном

осведомился генерал.

Он полагал, что знает ответ на этот вопрос лучше собеседника, но нужно было убедиться. Да и поверить в то, что это действительно случилось с Глебом, было тяжело.

– Взрыв, – коротко ответил майор и вытянул толстый указательный палец. – Вон, где окна выбиты. Какой-то хрен... виноват, товарищ генерал, какой-то неизвестный пытался не то проникнуть в квартиру, не то просто заминировать дверь. Устройство сработало, и вот... Словом, подробности выясняются.

Федор Филиппович ощутил ноющую боль в груди. Она отдавала в руку и мешала дышать. Он нащупал в кармане плаща упаковку валидола, но доставать таблетки на глазах у майора не стал.

– А этот неизвестный, он что – погиб? – спросил Потапчук с видом человека, не слишком интересующегося ответом.

– Когда грузили, еще дышал, – сообщил майор. – Везучий сукин сын! Я бы его, честно говоря, своими руками придушил, но, чую, если выкарабкается, рассказать сможет многое. За пазухой у него висел «Стечкин» с глушителем. Серьезный клиент! Не пойму только, как это он так лопухнулся, что подорвался на собственном взрывном устройстве...

– Куда его увезли?

– В Склиф, кажется, – с сомнением произнес майор. – Прикажете уточнить?

– Не нужно, – сказал Федор Филиппович. – Спасибо.

Он вернулся к своей машине, чувствуя себя совсем больным и старым, тяжело опустил на заднее сиденье и сунул под язык таблетку валидола.

Боль в груди улеглась, стало полегче, и генерал даже обрел некую видимость былой уверенности в себе. Возможно, подействовал валидол, а может быть, необходимость срочно принять какое-то решение и безотлагательно привести его в исполнение, как обычно, помогла ему собраться.

– В институт Склифосовского, – коротко бросил он, захлопнув дверцу.

На выезде из арки водителю пришлось притормозить, чтобы разминуться со встречной машиной, которая стремилась въехать во двор. Эта машина, тяжелый бронированный «мерседес», тоже приостановилась. Стекло вдруг плавно поползло вниз, и в образовавшемся проеме Потапчук увидел ненавистную белесую физиономию клиента. Господин депутат смотрел на генеральскую машину, и, хотя тонированное стекло не позволяло ему разглядеть, кто находится внутри, у Федора Филипповича было чувство, что клиент прекрасно его видит и смотрит ему прямо в глаза.

Затем губы клиента дрогнули, сложившись в снисходительную, издевательскую улыбочку, и оконное стекло поползло вверх. Федор Филиппович преодолел минутное искушение распахнуть дверцу и, выхватив пистолет, попытаться сделать то, что не удалось Глебу, а потом машины разъехались, и предпринимать что-либо стало окончательно поздно.

Глава 3

– А ты молодец, Эрнст Карлович, – сказал Жуковицкий, протягивая астрологу широкий стакан виски со льдом. – Ей-богу, молодец! Признаться, у меня мороз по коже. Прямо колдовство какое-то. Ну, скажи, как ты это делаешь? Смотришь в хрустальный шар или копаешься палочкой в куриных потрохах?

Юрген с благодарным кивком принял стакан, по-птичьи заглянул в него одним глазом и сделал осторожный, маленький глоток. На его губах играло подобие улыбки; он был заметно польщен похвалой. Впрочем, при упоминании куриных потрохов он слегка поморщился, как человек, которого начинает утомлять непроходимая тупость собеседника.

– Никаких чудес, – сказал он, – никакого колдовства. Я уже говорил вам, Альберт Витальевич: астрология – это наука, а не шаманство. Понимаете? Наука! Такая же точная, как физика... Но достижения современной физики вас почему-то не удивляют...

– Ну, физика! – воскликнул Жуковицкий, опускаясь в кресло. Пренебрежительно отодвинув в сторону ведро со льдом, он налил себе почти полстакана неразбавленного виски, с воодушевлением отхлебнул и откровенно облился, как кот, наевшийся сметаны. – Физика – дело другое, там все понятно...

– Правда? – вежливо усомнился Юрген. – Я вам завидую. Лично я даже не пытаюсь понять, каким образом работает, скажем, компьютер. Или мобильный телефон. Вы видели, что находится внутри корпуса? Три-четыре проводка и пара полосок фольги, и вот эта чепуха каким-то образом ухитряется хранить массу информации и выполнять кучу функций. Как? Почему? Вам это понятно? Мне – нет.

– В чем-то ты, конечно, прав, – согласился Жуковицкий, смакуя виски. – И все-таки физика – совсем другое дело. В конце концов, ее в школе проходят! И, если задаться целью, понять, как работает тот же мобильник, можно. А ты... Ты же в будущее заглядываешь! Это просто мистика.

– Никакой мистики, – упрямо возразил Юрген. – Заметьте, Альберт Витальевич, я с вами честен. Вы же сами подбрасываете мне лакомый кусочек! Стоит мне только согласиться с вами – дескать, да, таинство, древнее мистическое искусство, – и дело в шляпе. Можно зажигать ароматические свечи, которые вас так раздражают, брать в руки хрустальный шар и, глядя в него, с умным видом нести чушь, получая за это приличные гонорары. Но мне претит это шаманство, и я вам прямо заявляю: я – ученый, а не колдун! А мистическим ореолом мою профессию окружили невежды – те самые физики-химики, которым очень удобно ощущать себя главными хранителями истины на планете. Общество повернулось к астрологии спиной столетия назад, и виновата в этом, несомненно, церковь. Справиться с развитием технологии попы не сумели, зато астрологии нанесли невосполнимый ущерб. Это было очень просто сделать, потому что в те времена охватить всю громаду накопленных за тысячелетия знаний способны были немногие. Возиться с железками, изобретая велосипед, – это, знаете ли, проще, чем вести астрологические расчеты.

– Ну, понес, понес, – благодушно отмахнулся Жуковицкий. – Чего ты взвился-то? Я ведь, наоборот, похвалить тебя хотел, выразить восхищение...

– Просто не хочется примерять картонный колпак со звездочками, – заявил Юрген.

– Ну, не хочется, и не надо. Согласен, ты – ученый... Хотя я все равно не пойму, что это за наука такая, каким образом звезды могут влиять на земные дела. Где звезды, а где мы? Какое им до нас дело?

– Им ни до чего нет дела, – согласился астролог. – Ваша ошибка заключается в антропоцентризме. Вы по привычке смотрите на человека как на царя природы. А мы не цари природы, мы – такое же ее явление, как облака, землетрясения и морские приливы...

Жуковицкий демонстративно зевнул и залпом допил виски. Лицо Юргена вновь изобразило детскую обиду, что случалось всякий раз, когда Альберт Витальевич, вот как сейчас, грубо ссаживал его с любимого конька, не дав закончить полуторачасовую лекцию о богатой истории и неисчерпаемых возможностях астрологии. Заметив это, Жуковицкий усмехнулся, но тут же подумал, что с Юргеном надо быть осторожнее. Гений он или нет – вопрос спорный, но в том, что Эрнст очень полезен, Альберт Витальевич убеждался уже неоднократно. Да как полезен! Если бы этот черемис со своей лженаукой был под рукой с самого начала, можно было бы избежать многих ошибок и вызванных ими неприятных последствий. Э, да что говорить! Если бы не Юрген с его предсказаниями, никакого Альберта Витальевича Жуковицкого уже не было бы на свете. Отчаявшись помешать ему законными методами, эта свинья в генеральских погонах, Потапчук, чтоб ему ни дна, ни покрышки, решил прибегнуть к физическому устранению. И, если бы звезды не нашептали Юргену на ушко точное время и место покушения, на кладбище отправился бы не киллер, а сам Альберт Витальевич...

Он вспомнил, как все было, и опять испытал странное, непривычное чувство страха пополам с глубоким удовлетворением. Потапчук теперь, наверное, долго будет ломать голову, пытаясь понять, как это могло случиться. Отсюда удовлетворение; что же до страха, то его по вполне понятным причинам вызывал не только и не столько инцидент с участием киллера, сколько возможности Юргена, теперь казавшиеся практически безграничными. Разговаривая с ним, Альберт Витальевич все время побаивался, что астролог видит его насквозь и читает самые потаенные мысли так же легко, как закорючки в своих потрепанных талмудах.

– Перед вами теперь открываются очень широкие перспективы, – заговорил Юрген, причмокивая кусочком льда, который он втянул из стакана вместе с виски и теперь посасывал, как леденец. Голос у него все еще был немного

обиженный, но астролог уже оттаивал, как это случалось всегда, когда он получал возможность поговорить о своем любимом деле. Жуковицкий не имел ничего против, пока Юрген выдавал конкретную информацию, а не ударялся в исторические экскурсы. – Я еще раз все проверил. Негативные влияния, хоть и не исчезли совсем, теперь сведены до минимума. То есть, как я и предсказывал, за кризисом пришло спокойствие, и оно обещает быть довольно продолжительным.

«Все верно, – слушая его, думал Жуковицкий. – Это, приятель, я мог бы рассказать тебе сам, не прибегая к помощи звезд. Негативные влияния, про которые ты мне тут толкуешь, это проклятый Потапчук. Как было бы славно, если бы он, как ты выразился, исчез совсем! Ничего, придет время – я с ним еще разберусь. А пока хорошо уже и то, что его удалось «свести до минимума», и пройдет, наверное, не один месяц, прежде чем он оклемается от полученного удара и попробует еще что-то предпринять против меня. А я к тому времени окрепну еще больше и что-нибудь придумаю, чтобы стереть этого старого подонка с лица земли. Жалко, что этот его киллер отдал концы в Склифе. Если бы его удалось расколоть, на Потапчуке можно было бы с чистой совестью поставить крест – после таких позорных провалов людей в органах не оставляют...»

– Сейчас, – продолжал Юрген, – самое время взяться за осуществление ваших планов.

– Приятно слышать, – Жуковицкий был искренне рад. – Значит, звезды дают «добро»? А как на это посмотрит совет директоров, они не говорят?

Астролог вздохнул и с задумчивым видом, громко хрустя разжевал кусочек льда. Жуковицкого передернуло от этого звука – у него были плохие, слишком чувствительные зубы, стоматолога он навещал не реже раза в месяц, и фокусы, подобные тому, что только что продемонстрировал Юрген, вызывали у него рефлекторное содрогание.

– Вы никак не хотите понять, – сказал астролог, – что я составляю свои прогнозы, основываясь на явлениях космического масштаба. Расположение светил в данный момент для вас благоприятно, и это все, что я могу вам сказать. По крайней мере, сейчас.

Альберт Витальевич досадливо крикнул и налил еще виски.

– Воля твоя, Эрнст Карлович, но тебя, ей-богу, без бутылки не поймешь. Покушение ты предсказал с точностью чуть ли не до минуты, место назвал точно, будто в воду глядел. Выходит, это твоя наука может. А просчитать мои шансы в деле, которое важнее сотни таких покушений, она, видите ли, не в состоянии! Это для нее, видите ли, слишком мелко! Да ты хоть понимаешь, о чем идет речь? Россия на мировой арене – это сегодня Газпром, и больше ничего. Кто держится за вентиль, тот диктует условия. Это, по-твоему, мелко? Россию, дорогой, с любой орбиты видно, это тоже, если угодно, объект космического масштаба...

Юрген хмыкнул, заглядывая в стакан.

– Ну, ладно, допустим, я для твоей хваленой науки – слишком ничтожный объект. Так, козявка мелкая, никчемная... А ты напряги воображение, подойди к этому делу с другого конца. Вот, к примеру, твой Нострадамус в незапамятные времена предсказал, что Германией будет править Гитлер. Даже фамилию назвал! А насчет России у него ничего такого не сказано? Не встречалась тебе в его писаниях знакомая фамилия?

– Все это не так просто, – объявил Юрген.

– Да уж понимаю, что непросто! – саркастически воскликнул Жуковичский. – Казалось бы, что может быть проще прямого ответа на прямо поставленный вопрос: да – да, нет – нет... Не тут-то было! Виляешь, Эрнст Карлович, и я знаю, почему. Ведь если, к примеру, ты мне прямо в глаза резанешь: нет, дескать, не упоминается у Нострадамуса твоя фамилия, или, наоборот, упоминается, но под таким соусом, что лучше бы уж и вовсе не упоминалась, – что тогда? Тогда, вроде, ты мне больше и не нужен. Или наоборот: там, у Нострадамуса, так прямо и написано, что грядет, мол, великий тиран, и звать его Алик Жуковичский... Хорошо? Мне – да, хорошо. А тебе, опять же, полный расчет и выходное пособие в зубы: гуляй, Эдик, ты свою работу выполнил... Вот ты туману и напускаешь, чтоб от кормушки не прогнали. А?

Юрген, как ни странно, выслушал эту тираду вполне благодушно, как будто это не его только что почти прямо обвинили в шарлатанстве. Ему сейчас полагалось бы оскорбиться и даже, черт возьми, осторожно, не доводя дела до греха,

вспылить: дескать, да как вы смеете, да если я вас не устраиваю, поищите себе другого астролога... Но Юрген сидел, положив ногу на ногу, в глубоком кресле, водил под носом стаканом и улыбался чуть ли не сочувственно, как будто Альберт Витальевич жаловался ему на какую-нибудь стыдную и неприятную болезнь – на геморрой, к примеру, или, того смешнее, триппер.

– Нострадамус, – задумчиво, едва ли не мечтательно повторил он, когда Жуковицкий умолк. – Нострадамус был одним из величайших гениев в истории человечества, такие рождаются раз в миллион лет. Еще в шестнадцатом веке он предсказал многие направления развития науки и техники, в том числе появление электричества, радио и телевидения. Да что там! Он предвидел полеты в космос, он предвосхитил множество открытий – в биологии, физике, химии... Он был врачом, поэтом, ученым, он боролся с чумой и предсказывал будущее... Его предсказания охватывают период до 3797 года, и они, заметьте, до сих пор ни разу не были опровергнуты жизнью, чтобы там ни болтали наши газеты. Вот вы упомянули о Гитлере. Но Нострадамус предсказал и правление Франко. Он написал, что Франко будет безбедно править тридцать восемь лет, как это и было на самом деле. Он даже угадал условный сигнал к началу франкистского мятежа – в его четверостишии упоминаются голубое небо и облака, а знаком к началу выступления послужила переданная по радио фраза: «Над всей Испанией безоблачное небо».

– Все это очень познавательно, – закуривая, согласился Жуковицкий, – но я не вижу, какое отношение это имеет к предмету нашего разговора.

– Самое прямое и непосредственное, – быстро ответил Юрген. – И я вам это докажу, если вы наберетесь терпения.

– Почему бы и нет, – сказал Альберт Витальевич. – Вечер у меня свободный, и мы сейчас празднуем нашу маленькую победу... Так почему, в самом деле, празднуя маленькую победу, не поговорить о победах больших? Если, конечно, ты, Эрнст Карлович, намерен говорить именно об этом...

– Более или менее, – ответил астролог. – Я намерен попытаться объяснить, почему в одних случаях мне удастся предсказать все до мелочей, а в других мои прогнозы выглядят настолько расплывчато, что это вызывает у вас вполне законное неудовольствие и даже, оказывается, какие-то подозрения в мой адрес...

– Ну-ну, – сказал Жуковицкий, – я же просто пошутил.

– Надеюсь, – сухо сказал Юрген. – Но, согласитесь, шутка – это просто форма, в которую облечена вполне конкретная мысль. Вы можете даже не придавать этой мысли значения, но, раз она пришла вам в голову, следует разобраться.

– Ладно, – сдался Жуковицкий, – валяй, разбирайся. Расскажи, откуда берутся эти... э... помутнения на поверхности твоего хрустального шара?

Юрген ухмыльнулся, отдавая должное шутке, и благодарно кивнул, когда хозяин снова наполнил его стакан. Глаза у него заблестели, щеки зарумянились, движения стали порывистыми.

– Прежде всего, – хватив добрый глоток виски, снова заговорил астролог, – я, увы, не Нострадамус. Не слушайте тех, кто утверждает, что астрология со времен Возрождения шагнула далеко вперед. Если вы услышите это от кого-нибудь, знайте, что перед вами шарлатан, охотник за легкими деньгами. Все четыреста с гаком лет, прошедшие с той поры, астрология стояла на месте и даже деградировала – спасибо святой инквизиции. Поэтому таких мастеров, как Нострадамус, Неро или Альберт Великий, сегодня просто не существует. По сравнению с ними все мы – дикари, вроде тех варваров, что, разрушив Рим, вступили во владение жалкими обломками великой цивилизации. Поэтому робкая критика «Центурий» Нострадамуса, которую можно встретить в популярной литературе по астрологии, есть не что иное, как попытка сохранить лицо и набрать дополнительные очки за счет человека, который давно мертв и ничего тебе не может возразить. Заметьте, что его и хвалят достаточно робко: дескать, если не считать мелких ошибок, все его предсказания до сих пор оказывались верными... А почему? Да потому, что нынешние недоучки, и ваш покорный слуга в их числе, просто не в состоянии проверить его выкладки! Мы не можем ни подтвердить его предсказания, ни опровергнуть – мы можем только болтать о них, воровато заглядывая в скверные переводы всякий раз, когда речь идет о составлении действительно серьезного прогноза!

Разгоряченный собственной пламенной речью, он залпом осушил стакан. Жуковицкий, мысленно потешаясь, снова долил ему виски, чего Юрген, казалось, даже не заметил.

– «Центурии», – отхлебнув из стакана, продолжал он мечтательно, – великое поэтическое творение, по объему превосходящее «Божественную комедию» Данте и не менее, а может быть, и более талантливое, чем она! И написано оно, заметьте, шифром, над разгадкой которого уже четыре сотни лет ломаются головы поумнее моей! Принято считать, что «Центурии» дошли до нас не в полном объеме. По самой распространенной версии, значительная их часть, касающаяся событий, которые произойдут после 2300 года, сожжена и безвозвратно утрачена.

– Подумаешь, – решив слегка подзадорить собеседника, вмешался Жуковичский. – Триста лет ни мне, ни тебе не протянуть, так какая разница?..

– Самая распространенная версия не всегда самая правдивая, – с подозрительной кротостью заметил Юрген. – Содержание и судьба утраченных бумаг известны нам только с чужих слов – полагаю, со слов сыновей Нострадамуса, которые после его смерти занимались изданием отцовских рукописей. А у них могла быть тысяча причин скрыть истину – причин, о которых нам теперь остается только гадать. Возможно, и бумаги не сгорели, и речь в них шла вовсе не о периоде с 2300 по 3797 годы... вернее, не только об этом периоде.

– К чему это ты клонишь? – насторожился Жуковичский.

Разговор этот был ему, в общем, неинтересен и даже скучен, но развитое чутье делового человека, политика и бизнесмена, как всегда, не подвело: он мигом уловил прозвучавшие в последней реплике Юргена многообещающие нотки.

Астролог вместо ответа широко взмахнул сжимавшей стакан рукой, обильно окропив его пахучим содержимым ковер и колени. Альберт Витальевич осознал, до какой степени Эдик набрался, только увидев этот жест и услышав пьяное хихиканье.

– Напоили вы меня, Альберт Витальевич, до потери сознания, – слегка заплетающимся языком констатировал Юрген.

– Пей, пей, расслабляйся, – сказал Жуковичский. – Ты это заслужил, как никто. Я тебе жизнью обязан.

– Ловлю на слове, – снова хихикнув, заявил астролог и осторожно поставил стакан на край стола. – Вообще, если бы не это дело, – он кивнул на стакан, – я бы вам всего этого не сказал. Это – тс-с! – большой профессиональный секрет. Понимаете, в нашей среде ходят упорные слухи, что в той части «Центурий», которая считается утраченной, Нострадамус изложил основы своего метода вычислений. При жизни ему приходилось прятаться от инквизиции, за проскопию тогда можно было запросто угодить на костер...

– Проскопия?

– Предсказание будущего... Так вот, многие его пророчества открываются словами: «Так желает господь», или «Так суждено быть». Дескать, это все – откровения свыше... На самом-то деле все его предсказания были результатом тщательных вычислений, повторить или хотя бы проверить их сегодня никто не может. Так вот, поговаривают, что недостающая часть «Центурий» была вовсе не сожжена, а спрятана – скорее всего, потомками Нострадамуса, которые побаивались лишиться дохода от издания рукописей, если все, кому не лень, начнут применять его метод на практике. Поговаривают также, что эти бумаги написаны шифром, ключ к которому ныне утрачен. По слухам, придворный астролог Петра I, вывезенный им из Голландии, нашел этот ключ и весьма успешно им пользовался, но это уже легенда... Хотя, если припомнить царствование Петра Алексеевича, приходится признать, что звезды были к нему весьма благосклонны. Он один сделал для России больше, чем все его наследники, вместе взятые...

– Занятно, – сказал Альберт Витальевич. – Ну, и что из всего этого следует?

Астролог поднял отяжелевшую голову, вяло нащупал слева от себя стакан и осушил его одним махом.

– А вы не поняли? Эх, вы, великий тиран... Я уже битый час пытаюсь вам втолковать, что человек, в распоряжении которого окажется недостающая часть «Центурий» и ключ к ее прочтению, станет непобедимым и всесильным – диктатором, царем, императором... да кем хотите! Главное – уметь прочесть написанное...

– Главное, чтобы все это не оказалось обыкновенной байкой, – поправил Жуковицкий. – И потом, что толку переливать из пустого в порожнее? Может

быть, ты знаешь, где хранится вся эта писанина?

– Нет, – тяжело, по-лошадиному, помотав головой, со вздохом признался Юрген, – этого я не знаю. И никто не знает. А жаль.

– Жаль, – согласился Альберт Витальевич, – тут я даже спорить не стану – что жаль, то жаль. Ну и что? Человек предполагает, а бог располагает... Хочешь еще выпить? Нет? Ну, тогда иди спать, звездочет, комната для гостей в твоём распоряжении...

* * *

Поднявшийся после полудня сильный ветер немного разогнал тучи, и в их разрывах впервые за много дней проглянуло солнце. Рябые от ветра лужи ярко блестели в его лучах, и даже серый бурьян, что окаймлял разбитую, грязную грунтовую дорогу, при таком освещении приобрел теплый, приятный глазу золотистый оттенок.

По дороге, с плеском разбрызгивая лужи, подвывая двигателем, крякая рессорами и похрустывая шестеренками коробки передач, медленно полз потрепанный, грязный грузовой микроавтобус. Справа виднелись голые кроны старых берез и тополей. Там находилось старое кладбище, заложенное в ту пору, когда покойников еще не укладывали бок о бок, не бросали одного на другого, как дрова, а относились к смерти с должным уважением и даже сажали на кладбищах молодые деревца, чтоб мертвецам было веселее лежать в земле под шум листвы.

У опушки кладбищенской рощи стояла до самой крыши забрызганная грязью черная «Волга». Номеров было не разобрать; неумолимые «дворники» протерли на ветровом стекле две полукруглые амбразуры. Немолодой, одетый в летнюю кожанку коренастый водитель, чавкая раскисшей от затяжных дождей глиной, прохаживался вокруг, пиная скаты, пробуя рессоры и время от времени украдкой поглядывая на своего пассажира. Пассажир, пожилой мужчина в щегольском черном плаще и немодной, низко надвинутой на глаза кепке, стоял у кладбищенской ограды, держа в опущенной руке полевой бинокль. Ветер рвал полы его плаща, забираясь под одежду, но человек с биноклем не обращал на него внимания. Деревья шумели над головой, в пятнистом от смятых, изорванных облаков небе кружились черные птицы – грачи, а может быть,

обыкновенные галки или вороны. Из поднебесья то и дело доносились их крики – словом, несмотря на проглянувшее солнышко, обстановка была мрачная, под стать настроению. А впрочем, кладбище есть кладбище, веселиться тут как-то не принято...

Человек в кепке поднес к глазам бинокль, подрегулировал резкость и отыскал окулярами ползущий через голое поле микроавтобус, который тяжело переваливался с ухаба на ухаб, издали напоминая застигнутое штормом в открытом море мелкое рыболовное суденышко. Солнечный луч, отраженный линзой, на миг ослепил водителя микроавтобуса; щурясь, он повернул голову туда, где ему почудилась яркая вспышка, но, разумеется, ничего не разглядел, кроме темной массы старых деревьев и кружившей в небе птичьей стаи, похожей на чайнки в стакане с энергично размешанным кипятком.

Справа от дороги, по которой двигался микроавтобус, виднелся частокол крестов, фанерных пирамидок и покосившихся, утонувших в бурьяне памятников из цемента пополам с мраморной крошкой. Пестрели искусственными цветами и золотом прощальных надписей поблекшие, облезлые венки. У самой дороги захоронения были посвежее, продолговатые холмики желтого суглинка еще не успели осесть и порости травой, но и они уже приобрели покинутый, сиротливый вид. Москва – город большой и суетный, и обитатель этого помешавшегося на деньгах мегаполиса, отдав концы и упокоившись на таком вот дальнем кладбище, не может рассчитывать на избыток внимания со стороны своих близких. Хорошо, если памятник поставить соберутся, а нет, так и не надо: спасибо уже и на том, что похоронили по христианскому обычаю, в земле, а не спалили в печке, как сосновую колоду...

Слева, где бурьян был повыше и погуще, кресты, фанерные пирамидки и цементные плиты отсутствовали, не говоря уже об оградках и венках. Здесь, местами совершенно скрытые травой, рядами торчали покосившиеся колышки с прибитыми на них потемневшими, покособившимися от непогоды фанерными табличками. Кое-где еще можно было разобрать надписи: порядковые номера захоронений и даты смерти. Здесь хоронили безымянных, неопознанных покойников: бездомных стариков, нищих, бомжей, опустившихся привокзальных проституток, а также гастарбайтеров, приехавших в Москву из братских республик бывшего Советского Союза искать счастье, а нашедших лишь безымянную могилу в продуваемом всеми ветрами поле недалеко от городской свалки. Один из этих бедолаг лежал сейчас на железном полу в кузове, завернутый вместо савана в мешок из плотного черного полиэтилена.

Впрочем, этот жмур был не из простых, а, как говорится, с историей. Водитель микроавтобуса эту историю знал – профессиональные водители всегда знают все на свете или, по крайней мере, думают, что знают, – и, как все водители, был не прочь поговорить в дороге, а его помощник, прыщавый парнишка лет двадцати, был готов слушать с подобающим вниманием. Рассказ старшего товарища, хоть и выглядел порядком приукрашенным, все-таки помогал отвлечься от неприятных мыслей, которые одолевали юного могильщика всякий раз, как он оказывался на своем рабочем месте.

В основе неспешного повествования, которое, вертя баранку, дергая рычаг и играя педалями, вел умудренный опытом шофер труповозки, лежал истинный факт, однако красочные подробности, коими был обильно уснащен рассказ о происшествии у Белорусского вокзала, имели с этим фактом очень мало общего. Как правило, так оно и бывает; именно таким путем сегодня создаются мифы – точно так же, как создавались три тысячи лет назад, и как, наверное, будут создаваться тысячи лет спустя.

Если верить рассказу водителя, в доме недалеко от Белорусского вокзала имел место настоящий бой, в ходе которого тот самый неопознанный покойник, что лежал сейчас в грузовом отсеке его колымаги, убил на месте сначала любовницу крупного криминального авторитета, потом двоих его охранников, а затем и одного из подоспевших к месту перестрелки ментов. Еще трое ментов были ранены, причем один из них до сих пор лежал в реанимации, балансируя между жизнью и смертью. А затем, расстреляв все до единого патроны и поняв, что прорваться через кольцо окружения ему не удастся, меткий стрелок выдернул чеку из гранаты, подпустил противника поближе и разжал ладонь.

Каким образом этот отморозок еще в течение некоторого времени жил на больничной койке в институте Склифосовского, умудренный опытом водитель не мог даже предположить. Нормальные люди после подобных происшествий отправляются к праотцам, причем, как правило, в разрозненном, разобранным виде, так что праотцам бывает нелегко определить, кто это к ним пожаловал. Да что там! Нормальному человеку, чтобы помереть, бывает достаточно поскользнуться на обледенелой ступеньке или, промочив ноги, взяться за поручень в троллейбусе. А таких, как этот, который сейчас в кузове, даже смерть берет нехотя, через силу – и не брала бы, да деваться некуда...

Когда в изломанном, примятом ногами землекопов бурьяне мелькнул последний колышек с табличкой – светлой, еще не успевшей потемнеть от непогоды, с

разборчивой, сделанной черной краской по трафарету стандартной надписью, – водитель затормозил и выключил передачу. Заглушив двигатель, он первым выпрыгнул из кабины в скользкую, жирную, густую, как подтаявшее масло, глинистую грязь и, сойдя с дороги, приблизился к первой в длинном ряду одинаковых прямоугольных ям. Они были выкопаны впрок навесным ковшем переоборудованного в экскаватор колесного трактора, и было этих ям видимо-невидимо. Между ними желтели кучи вынутого экскаватором суглинка, в размякшем от долгого дождя дерне виднелись оставленные колесами трактора глубокие колеи. Затянувшись в последний раз, водитель равнодушно бросил окурок в яму и, хрустя бурьяном, вернулся к машине.

– Раз-два – взяли, – сказал он напарнику, который глядел на него из кабины, и открыл распашную дверь грузового отсека.

Из железного кузова потянуло карболкой и дезинфекцией, а заодно и другим, едва уловимым, но вполне откровенным запахом. Напарник, шлепая по грязи, обошел машину и остановился рядом, брезгливо морща нос от этого запаха.

– А поближе подъехать ты не мог? – недовольно поинтересовался он. – Что мы, нанялись эту пададь на горбу таскать?

– Во-первых, его таскать мы как раз нанялись, – смерив его с головы до ног полунасмешливым взглядом, степенно ответил водитель. – А во-вторых, если подъехать ближе, тащить на горбу придется уже не его, а вот этот сундук. – Он гулко похлопал тяжелой ладонью по забрызганному грязью жестяному борту. – А мне что-то не верится, что мы с тобой вдвоем сумеем ее на плечах вынести, если она, родимая, на брюхо сядет. А поэтому, Женя, кореш ты мой драгоценный...

– Да ясно, ясно все, – проворчал напарник, поняв, что отвертеться от неприятной обязанности не удалось и жмурика все же придется тащить к месту его последнего успокоения на руках.

– Поэтому, браток, – с нажимом повторил водитель, который привык, начав фразу, во что бы то ни стало договаривать ее до конца и полагал эту свою привычку признаком твердого характера и мужской самостоятельности, – бери-ка ты его за любой конец, какой больше нравится, и понесли, а то как раз обеденный перерыв пропустим.

Он одним мощным рывком наполовину выдвинул из кузова старые медицинские носилки и, вопреки собственным словам не оставив напарнику выбора, первым ухватился за резиновые ручки. Напарник привычно подхватил другой конец, и импровизированная похоронная процессия двинулась в короткий последний путь. Плотный черный полиэтилен весело поблескивал на солнце, почти полностью скрывая очертания тела, и тихонько шуршал, когда ветер принимался трепать углы мешка. Носилки беспорядочно раскачивались; потом молодой напарник, сообразив, сменил ногу, подправил шаг, подстроившись под размеренную поступь водителя, и рывки прекратились.

Они остановились на краю ямы. Неопытный Женя только сейчас сообразил, что надо было прихватить из кузова брезентовые шлеи, какими пользуются грузчики мебельных магазинов и могильщики, и начал было опускать свой конец носилок на землю, чтобы сбегать к машине, но водитель остановил его одним коротким, выразительным взглядом через плечо.

– Невелика птица, – угадав все, что хотел сказать Женя, произнес водитель. – Прощальный салют и траурный митинг ему не полагается. Сойдет, блин, и так.

Сразу после этой фразы он начал решительно задирать правую сторону носилок, одновременно опуская левую. Напарнику ничего не оставалось, как последовать его примеру. Носилки опрокинулись, тяжелый полиэтиленовый сверток соскользнул с них и с глухим шумом упал на дно ямы. Он был хорошо виден с того места, где стоял молодой, но было невозможно определить, где у покойника голова, где ноги, и как, вообще, он лежит – лицом к небу, как полагается, или, наоборот, уткнувшись носом в глину.

Возвращаясь к машине за лопатами, молодой могильщик по имени Женя все никак не мог отогнать эту навязчивую мысль: куда смотрит покойник? Еще он думал о том, что людей нельзя хоронить вот так, словно дохлых свиней, и что привыкнуть к этому будет трудно. Да ему, по правде говоря, и не хотелось к этому привыкать. На эту работу он попал случайно, а сегодня вдруг понял: надо уходить как можно скорее, пока не превратился в такое же бесчувственное, самодовольное бревно, как его старший товарищ...

Пассажир черной «Волги» по-прежнему наблюдал за этой предельно упрощенной траурной церемонией с вершины кладбищенского пригорка в мощный полевой бинокль. Он уже порядком озяб на ветру, но не уходил, хотя в городе его ждала масса неотложных дел, куда более важных, чем эти похороны,

больше похожие на захоронение кучки ненужного мусора. Он подозревал, что за ним тоже наблюдают, и дело тут было совсем не в шофере, который, присев бочком за руль, щепкой счищал с ботинок налипшую глину.

За пассажиром действительно пристально наблюдали. Некто, просто и непритязательно одетый в джинсы, турецкую кожаную куртку и кожаное же кепи с длинным козырьком, присев за покосившимся цементным памятником с эмалевым медальончиком, на котором красовалось сильно подретушированное изображение какой-то бабуси в повязанном по-деревенски платке, провожал каждое его движение объективом видеокамеры. Камера была дорогая, профессиональная, с увеличением, которому мог позавидовать любой бинокль, и, когда оператор давал наезд, ему был виден каждый волосок на голове пассажира «Волги» и каждая ворсинка на его плаще. Притаившийся среди могил оператор спокойно выполнял свою работу, сожалея в данный момент лишь о том, что в руках у него видеокамера, а не хорошая, пристрелянная винтовка с оптическим прицелом. Немного смещая камеру влево, он видел через плечо своего клиента пару землекопов, которые уже забрасывали безымянную могилу мокрым рыжим суглинком, орудуя лопатами с энергией, свидетельствовавшей об их горячем желании поскорее отсюда убраться.

Глядя на них, оператор всякий раз думал о том, что и его, очень может статься, ждет точно такой же или очень похожий конец. Только его наниматель, в отличие от пассажира черной «Волги», ни за что не явится на кладбище, чтобы хоть издали одним глазком посмотреть на похороны. Не такой он человек, ему такая мысль даже в голову не придет...

Наконец, яма была засыпана. Не утруждая себя выравниванием печального рыжего холмика, водитель труповозки подобрал с земли деревянный колышек с табличкой и вогнал его заостренным концом в изголовье могилы, которое, учитывая обстоятельства, вполне могло оказаться изножьем. Он вогнал колышек поглубже, несколько раз ударив лопатой по его верхнему концу; притаившийся за надгробием неизвестной старухи оператор дал максимальное увеличение, поймав в видоискатель табличку с порядковым номером и датой, которая совпадала с датой взрыва в жилом доме близ Белорусского вокзала. Сделав это, он удовлетворенно кивнул: теперь хозяин получил нужные ему доказательства.

Пассажир черной «Волги» опустил бинокль.

– Земля тебе пухом, – сказал он.

Произнесено это было негромко, но с таким расчетом, чтобы водитель, по-прежнему сидевший за баранкой боком, свесив ноги в грязных ботинках наружу, услышал каждое слово. Увы, до окончательного прояснения всех обстоятельств подозревать приходилось всех и каждого, в том числе и водителя. В делах такого рода никакие подписки о неразглашении, никакие, даже самые тщательные проверки ничего не решают. Сколько ни проверяй человека, сколько ни выковыивай из него идеального служаку, он все равно останется человеком. А человеку свойственно сохранять лояльность по отношению к тому или иному общественному институту лишь до тех пор, пока ему не предложат что-то лучшее. Человек работает либо за идею, либо за деньги, причем в последнее время второй вариант распространен куда более широко. А господин, который в данный момент противостоял пассажиру черной «Волги», был состоятелен настолько, что мог пачками скупать генералов, не говоря уже о такой мелкой и, по определению, безыдейной сошке, как водители генеральских автомобилей.

Поэтому, произнося прощальные слова, человек с биноклем учел все, даже направление и скорость ветра, а потом повернулся к утыканному крестами и памятниками полю спиной и пошел к машине, на ходу рассеянно обматывая бинокль ремешком.

Уже запустив двигатель, водитель, который, как и предполагалось, прекрасно расслышал и верно расценил произнесенную пассажиром фразу, обернулся через плечо и осторожно, сочувственно поинтересовался:

– Кого хоронили-то, товарищ генерал?

Генерал Потапчук немного помедлил с ответом, взвешивая «за» и «против», а потом медленно, будто через силу, сказал:

– Стрелка. Лучшего из всех, кого я знал.

Водитель, работавший в органах уже семнадцатый год и носивший во внутреннем кармане пилотской кожанки удостоверение старшего прапорщика ФСБ, не стал больше задавать вопросов. Он включил передачу и осторожно, чтобы не забуксовать в липкой грязи, дал газ.

Глава 4

Краеведческий музей представлял собой обычное для этих мест кирпичное одноэтажное строение с деревянной мансардой, украшенной затейливой резьбой, сильно потраченной временем и непогодой. Среди других подобных строений он выделялся разве что чуть более крупными размерами – надо полагать, до революции здесь обитал какой-то купец, промышленник, а может, и поп, охмурявший народ в высившейся неподалеку каменной церквушке, – да привинченной к беленой кирпичной стене черной с золотом табличкой, извещавшей всех, кто умел читать, о том, что это не жилой дом и не заготовительная контора, а именно музей.

В данный момент ни таблички, ни резьбы, ни всего остального не было видно, поскольку на дворе стояла ночь, а небо затянули тучи, сквозь рваную пелену которых лишь время от времени размытым пятном желтоватого света проглядывала луна. В темноте смутно белел кирпичный фасад первого этажа с черными провалами окон; в отдалении зеленовато-голубой звездочкой мерцал одинокий фонарь, да сияла теплым оранжевым светом пара окошек, за которыми не то кто-то мучился бессонницей, не то хлестали чай вприкуску, неся трудную вахту, ночные сторожа.

– Луна, как бледное пятно, сквозь тучи темные мелькала... или блистала? – произнес в тишине прокуренного автомобильного салона капитан Воропаев.

– Помолчи, – ответили ему.

Гурин тоже был капитаном, но его оставили за старшего, и Воропаеву пришлось подчиниться. К тому же, Гурин был прав: трепаться, от нечего делать перевирая стихи, сейчас было не время.

Он был неподвижен, словно рядом с Воропаевым в кабине потрепанного командирского «уазика» сидел не живой человек, а манекен из магазина готовой одежды или надгробный памятник. Да, пожалуй, именно памятник, а точнее – бюст, поскольку, кроме плеч и головы напарника, выступавших над краем оконного проема, Воропаев не видел ничего.

Потом Гурин шевельнулся, заставив скрипнуть пружины продавленного водительского сиденья, и поднес к самому лицу запястье левой руки. Краем глаза Воропаев уловил зеленоватое мерцание фосфоресцирующего циферблата.

– Сколько? – тихонько спросил Воропаев.

– Долго возится, – ответил старший. – Как бы нас тут не замели.

– Кто? – резонно возразил Воропаев. – Здешние менты? Да они десятый сон видят!

Гурин промолчал, поскольку обсуждать тут было нечего. Его последняя реплика, однако, направила мысли Воропаева в новое русло, и тот осторожно, стараясь не шуметь, вынул из-за пазухи теплый пистолет и положил его на колени, сжимая правой рукой рубчатую пластмассовую рукоятку, а левой – увесистый, гладкий цилиндр глушителя. Если здешние менты действительно спали, им лучше было не просыпаться, а если кому-то из них все-таки не спалось, – держаться подальше от краеведческого музея, поскольку у капитана Воропаева не было никакой охоты брать на душу лишний грех.

– Интересно, – сказал он спустя пару минут, – кто он все-таки такой?

– А я знаю? – лениво откликнулся Гурин. – Какая-то шишка.

Воропаев пренебрежительно фыркнул, очень довольный тем, что напарник перестал корчить из себя большое начальство и поддержал разговор. – Тоже мне, шишка! Бугор на ровном месте... Если он такая важная персона, что мы с тобой должны быть у него на подхвате, какого хрена ему понадобилось лезть в этот сундук с клопами?

Капитан ФСБ Воропаев имел в виду краеведческий музей затерянного на просторах Восточной Сибири поселка Шарово, напротив которого в данный момент стоял их «уазик» с фальшивыми номерными знаками.

– Значит, понадобилось, – сказал Гурин. – Не нашего ума дело. Меньше знаешь – дольше живешь. А вообще, друг мой Василий, в таких вот, как ты выразился, сундуках с клопами порой попадаются оч-чень любопытные экспонаты. Места

здесь дикие, неосвоенные, и кто только по ним не шастал! И белые, и красные, и староверы-раскольники, и всякие ссыльные... И все, что характерно, со своим скарбом. В здешних краях, наверное, столько всякой всячины сгинуло, что и представить невозможно. И кое-что, не сомневайся, осело в бабушкиных сундуках, по чердакам да по таким вот музеям. И пылится оно, никому не нужное, и смотрят на него здешние бараны – смотрят и ни черта не понимают...

– Ну, не знаю, – проворчал лишенный не только романтической жилки, но даже и самого элементарного воображения Воропаев. – Что уж тут такого ценного может быть? Золотишко церковное или, скажем, колчаковское? Ну, так золото – оно и в Африке золото, насчет него любой валенок догадается, что оно подороже дерьма стоит.

– Не все золото, что блестит, – ответил Гурин и завожился, устраиваясь поудобнее на скрипучем сиденье. – Вот, к примеру, известно ли тебе, друг Василий, что здесь, в Шарово, еще в восемнадцатом веке отбывал бессрочную ссылку некто Конрад Бюргермайер?

– Это еще кто?

– Серый ты, Василий, как солдатская портянка. Бюргермайер этот был придворным астрологом Петра Первого, понял? Долго был, лет десять. А потом не потрафил чем-то царю-батюшке, тот и сослал его навечно в эту вот дыру. Спасибо еще, что ноздри не вырвал.

– Да, – задумчиво, даже меланхолично, протянул Воропаев, – вот были времена! Ну, и что этот астролог?..

– А хрен его знает, – равнодушно ответил Гурин.

– Тьфу! – с досадой плюнул Воропаев. – А чего ж ты тогда мне мозги пудришь? Астролог, астролог... При чем тут он вообще?

– Да я-то почему знаю? Ни при чем, наверное.

Некоторое время Василий переваривал полученную информацию, после чего пришел к выводу, что она не представляет ровным счетом никакого интереса.

– Эх, ты, – сказал он, – кладезь премудрости! Несешь, сам не знаешь, что...

– Тихо! – перебил его Гурин. – Кажется, выходит.

Повернув голову, Воропаев увидел, как в одном из темных окон краеведческого музея на мгновение блеснул осторожный лучик света. Потом свет погас, негромко стукнула аккуратно прикрытая оконная рама, на фоне беленой кирпичной стены беззвучно промелькнула стремительная тень, а через мгновение задняя дверь «уазика» открылась, и машину слегка качнуло на рессорах.

– Заводи, – слышался сзади негромкий хриловатый голос. – Валим отсюда.

– На аэродром? – поворачивая ключ зажигания, уточнил Гурин.

– Да, – лаконично ответил человек на заднем сиденье.

Воропаев позавидовал этой лаконичности: сам он в такой ситуации непременно поинтересовался бы, не хочет ли Гурин трястись отсюда через всю Россию до самой Москвы на этом вот отечественном металлоломе. На нем и до аэродрома-то доехать – пытка...

Гурин тронул машину с места. Лишь отъехав на приличное расстояние от музея и сделав несколько поворотов, он включил фары. Человек на заднем сиденье, весь обтянутый черным, как японский ниндзя или боец контртеррористического спецподразделения, содрал с головы трикотажную шапочку-маску с прорезями для глаз и затолкал ее в карман. Лицо у него было скуластое и волевое, как у героя киновоевика, волосы густые и темные; имени его ни Воропаев, ни Гурин не знали, а кличка у него была странная – Библиотекарь. На библиотекаря этот строго засекреченный тип походил меньше всего на свете; размышляя на эту тему, Воропаев первым делом вспоминал уже ставший хрестоматийным диалог из «Операции „Ы“»: «Почему „Ы“?» – «А чтоб никто не догадался!» Лучшего объяснения странной кличке капитан придумать не сумел, да его, скорее всего, и не существовало: уж кто-кто, а капитан Воропаев точно знал, по какому принципу агентам присваиваются оперативные псевдонимы! С отделом, где служили они с Гуриным, например, долго и плодотворно сотрудничал стукач, который подписывал свои донесения «агент Зина». А был этот агент Зина семипудовым дядечкой с бородищей по грудь, пьяницей, бабником,

сквернословом, большим любителем дать кому-нибудь в рыло и, для разнообразия, доктором физико-математических наук...

– Что-то вы долго, – вертя баранку, спокойно заметил Гурин.

– В этом музее черт ногу сломит, – вполне благодушно, что свидетельствовало о превосходном настроении, сообщил Библиотекарь.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Воропаев решил немного разговорить загадочного пассажира.

– Нашли, что искали? – спросил он, поворачиваясь к собеседнику.

Библиотекарь посмотрел на него, как на пустое место.

– Борт будет ждать только до четырех ноль-ноль, – сказал он. – Успеем?

Гурин посмотрел на часы.

– По-любому, – с пренебрежительной интонацией профессионального гонщика заявил он. – Хоть ползком, хоть на карачках.

Воропаев хотел суеверно поплевать через левое плечо, но воздержался: как раз там, за его левым плечом, сидел Библиотекарь, которому могло не понравиться, что на него плюют, пусть даже чисто символически.

Свет фар прыгал по разбитой мостовой, из которой лишь кое-где выступали корявые островки древнего, положенного, наверное, еще в полузабытые советские времена асфальта. По сторонам дороги тянулись низкие строения, имевшие заброшенный, нежилой вид и такие грязные, растрескавшиеся и облупленные, словно здесь несколько дней кряду шли кровопролитные бои с применением всех видов стрелкового оружия и даже артиллерии. Кругом на сотни километров простиралось, как в песне, «зеленое море тайги», а тут, в поселке, Воропаев не заметил ни одного деревца – видимо, аборигенам было не до благоустройства. Похоже, им вообще было ни до чего; если их что и интересовало, так это деньги и водка. Было решительно непонятно, откуда в таком месте взялся краеведческий музей и, главное, каким чудом это

некоммерческое, убыточное заведение просуществовало до сего дня. Видимо, его создал и до сих пор, выбиваясь из последних сил, волок на своем горбу какой-то чокнутый энтузиаст истории родного края. И можно было не сомневаться, что, когда он, наконец, надорвет себе жилы и откинет копыта, его детище мгновенно загнется и будет забыто всеми, самое большее, через месяц. Так что, если даже Библиотекарь только что умыкнул из музея самое ценное, что там было, вреда культурному наследию здешних обитателей он не нанес никакого – все равно пропадет...

Придя к такому выводу, капитан Воропаев снова задумался о том, что все-таки понадобилось тут Библиотекарю – птице, судя по всему, действительно важной, вроде киношного агента 007. И ведь он не сам по себе! Кто-то его сюда направил, выделил в помощь двух опытных оперативных работников, снабдил деньгами и инструкциями, а теперь вот, пожалуйста, подогнал специально для него военно-транспортный самолет, который будет ждать до четырех ноль-ноль на ближайшем аэродроме. Так обставляются только дела государственной важности, и в свете всех этих приготовлений банальная кража со взломом из захолустного краеведческого музея представляется уже далеко не такой банальной. Так что же он там искал и нашел ли? Судя по его настроению, таки да, нашел. Вернулся он с пустыми руками, и, значит, то, что он искал, легко помещается в кармане или, скажем, за пазухой. Ну, и что это может быть?

Капитан Воропаев тут же, не сходя с места, мог бы назвать с десятков предметов, которые легко помещаются в кармане, и из-за которых при этом стоило бы гонять через полстраны тяжелый транспортный самолет. Но всем этим предметам было решительно нечего делать в витринах или запасниках краеведческого музея – они не могли попасть туда даже случайно, поскольку не представляли никакого интереса для зевак.

Ничего не придумав, он решил, что Гурин прав: это не их ума дело, и нечего ломать голову над тем, что тебя не касается. Через несколько часов они вернутся домой и больше никогда не увидят Библиотекаря. И черт с ним! Мало ли кого Воропаев больше никогда не увидит. Это была рутинная командировка, и слава богу, что обошлась она без осложнений. Сделал дело, отрапортовал начальству, – и забудь, как страшный сон. Подумаешь, тайны Мадридского двора...

Поселок давно остался позади, под колеса машины легло разъезженное, разбитое гравийное шоссе – то, что в народе называется «щебенка с гребенкой».

«Уазик» бодро барабанил колесами по частым поперечным гребешкам этой стиральной доски; чтобы не откусить себе язык, приходилось до боли в челюстях стискивать зубы. Размышлять на отвлеченные темы стало невозможно, и Воропаев задался вполне конкретным вопросом, на который ему до сих пор никто не дал ответа: как, черт возьми, ровная, старательно укатанная песчано-гравийная дорога за каких-нибудь полгода превращается в такую вот стиральную доску? Понятно, откуда на дороге берутся колеи, ухабы и рытвины, но как образуется эта мелкая поперечно-полосатая дрянь – это же уму непостижимо! Ведь такое даже нарочно не сделаешь, а тут, пожалуйста, делается само, когда никто его об этом не просит...

Какое-то время дорога шла более или менее прямо, а потом начала петлять между какими-то лесистыми холмами, прямо как змея, норовящая ухватить себя за хвост. За одним из таких поворотов фары вдруг выхватили из темноты стоящий на обочине сине-белый милицейский «уазик», а мгновением позже во мраке ярко засияли зеленовато-желтые светящиеся полосы, двигавшиеся как будто сами по себе, а на самом-то деле, конечно, нашитые на одежду какого-то бешеного, замученного бессонницей и служебным рвением провинциального гаишника. Кого он, этот мусор, подстерегал посреди ночи в темном, дремучем лесу – уму непостижимо, но он был тут. А рядышком, как и следовало ожидать, немедленно обнаружился второй, и этот второй, шагнув на проезжую часть, профессионально-небрежным, щеголеватым жестом выбросил перед собой светящийся полосатый жезл, требуя остановиться.

– Гляди, какой франт нарисовался, – неприязненно проворчал Гурин. – Водяра у них кончилась, что ли? Что делать будем, командир?

– Спокойно, – напряженным голосом откликнулся сзади Библиотекарь. – Бумаги у нас в порядке, так что не надо пыли и пузырей. В крайнем случае позолотишь ему ручку.

– Мозги бы ему провентилировать, а не ручку позолотить, – с ненавистью процедил Гурин, включая указатель поворота и съезжая на обочину.

– Спокойно, – повторил Библиотекарь. – Это всегда успеется.

Воропаев, спохватившись, накрыл полый куртки пистолет, который до сих пор держал в руках. Колеса коротко прошуршали по высокой мертвой траве, которой

заросла обочина, машина остановилась в паре метров от милицейского «бобика». Гурин завертел ручку, и стекло слева от него рывками поползло вниз.

Оба мента уже шли к машине, прикрываясь ладонями от света фар. Гурин щелкнул переключателем, оставив включенными только габаритные огни. Даже при таком освещении было хорошо видно, что гаишники одеты в бронежилеты и вооружены автоматами.

– Странно, – тихонько сказал Воропаев, поглаживая под полую рукоять пистолета. – Может, это за нами?

– Исключено, – так же тихо, но очень твердо отрезал Библиотекарь. – Просто ловят кого-то.

– Проверка документов, – представившись, сообщил гаишник, на плечах которого тускло отсвечивали лейтенантские звездочки.

– Здорово, земляк, – дружелюбно приветствовал его Гурин, нарочито неторопливо копаясь во внутреннем кармане. – И что это вам не спится?

– Служба, – коротко ответил лейтенант и вдруг без предупреждения, совершенно неожиданно, почти в упор выстрелил в Гурина из пистолета.

В лицо Воропаеву словно плеснули из кружки чем-то горячим, липким и комковатым. Пуля, пройдя навылет, шевельнула волосы над его правым виском и со звоном ударилась в оконное стекло. Она не пробила его насквозь, а просто разбила на куски, потому что, проделывая в голове Гурина сквозное вентиляционное отверстие – точь-в-точь, как он сам собирался поступить с гаишником, – потеряла большую часть своей убойной силы.

Движимый исключительно рефлексом, Воропаев выстрелил по маячившей за окном фигуре, ударил по дверной ручке, вышиб плечом дверь и боком вывалился в ночь. Он коlobком прокатился по грязной обочине, вскочил на ноги, присел и так, скорчившись, стараясь занимать как можно меньше места в пространстве, с треском вломился в голые, сырые и грязные придорожные кусты. Какая-то острая ветка едва не оставила его без глаза, прочертив по скуле кровавую борозду; другая хлестнула по губам, исторгнув из груди глухой матерный рык; потом земля под ногами вдруг куда-то пропала, и Воропаев рухнул в пустоту, с

шумом приземлившись на дно какой-то ямы. Это спасло ему жизнь: за спиной прогрохотала длинная очередь, и сверху на голову посыпались сбитые пулями прутья. Потом ударил еще один автомат, набросав за шиворот сырой земли и мертвых листьев, и Воропаев снова выругался сквозь зубы: стреляли двое, а значит, единственная выпущенная им пуля либо пришлась лейтенанту в бронежилет, либо вообще ушла за молоком.

Он высунулся из своего укрытия и выстрелил по метавшимся около машин темным фигурам. В ответ опять прогрохотала автоматная очередь. Воропаев пригнулся, а когда снова высунул голову из ямы, в свете габаритных огней увидел распластанную на дороге, обтянутую черным спецкостюмом фигуру и гаишника, который стоял над ней, широко расставив ноги и направив лежащему человеку в затылок свой куцый милицейский автомат. Автомат коротко простучал, озарив косматую траву обочины злыми оранжевыми вспышками, Библиотекарь несколько раз конвульсивно содрогнулся и замер – несомненно, мертвый, как кочерга.

Это означало, что миссия Воропаева завершена и что он может с чистой совестью уносить ноги. И не просто может, а обязан, поскольку его начальству будет небесполезно знать, что, черт возьми, все-таки случилось с командированной в поселок Шарово группой, и куда подевался их драгоценный Библиотекарь.

Мент, присев на корточки, обшаривал многочисленные карманы мертвого Библиотекаря. Воропаев осторожно поднял пистолет. Ему пришло в голову, что было бы неплохо по квитаться с этими подонками – если не за Библиотекаря, на которого ему было, по большому счету, глубоко наплевать, то хотя бы за Сашку Гурина, чья кровь сейчас медленно подсыхала у него на лице. Но тут в глаза ему ударил сноп ослепительного электрического света – второй гаишник, чтоб ему пусто было, развернул фару-искатель своего драндулета и нащупал его лучом. Менты ударили в два ствола, не жалея патронов, на голову градом посыпался мусор, и Воропаев понял, что о боевых действиях не может быть и речи.

Повернувшись к дороге спиной, он выбрался из ямы и ужом, по-пластунски, пополз через густой подлесок прочь, куда глаза глядят.

* * *

Эдуард Максимович Юркин (он же Эрнст Карлович Юрген, магистр белой магии и действительный член международной ассоциации авестийской астрологии) съехал по пологому пандусу в подземный гараж и притормозил перед полосатым красно-белым шлагбаумом, преграждавшим въезд на стоянку. Нажатием кнопки он опустил тонированное стекло слева от себя; охранник в застекленной будке наклонился, вглядываясь, приветливо кивнул, узнав его, по-военному отдал честь и поднял шлагбаум. Юрген небрежно кивнул в ответ. Он уже научился принимать сдержанное подобострастие вышколенной obsługi с таким же вежливым показным равнодушием, но душа его до сих пор ликовала всякий раз, когда он сталкивался с приметами своего нынешнего образа жизни. О, как далек он был теперь от затерянного в марийских лесах поселка со смешным названием Козьмодемьянск! Мог ли он тогда, двадцать лет назад, впервые взяв в руки популярную брошюрку по астрологии, хотя бы мечтать о таком стремительном взлете?

Юрген снова нажал вмонтированную в подлокотник водительского кресла кнопку, приведя в действие стеклоподъемник, и дал газ. Мощный двигатель чуть слышно заворчал под обтекаемым капотом, и вишневый «ровер», лаково поблескивая бортами в мертвом свете неоновых ламп, покатился вдоль длинного ряда дорогих, престижных автомобилей.

Отыскав раз и навсегда закрепленное за ним парковочное место, Эрнст осторожно загнал туда автомобиль. До недавнего времени он водил «Оку», доставшуюся в наследство от отца – инвалида второй группы, и до сих пор не до конца освоился с габаритами своего нового автомобиля, казавшегося ему огромным, как океанский лайнер.

Заглушил двигатель, выбрался из машины и сладко потянулся, разминая затекшие мышцы и жалея только о том, что отец не дожил до этого дня, не увидел, каких высот достиг его сын. Астрология, которую покойный папаша именовал не иначе как словоблудием, а то и, простите за выражение, херней на постном масле, дала его сыну все, о чем Юркин-старший не мог и мечтать, всю жизнь вкалывая на лесопилке в своем занюханном Козьмодемьянске. Эрнст хорошо запомнил нескрываемое пренебрежение, с которым отец всегда относился не только к его увлечению астрологией, но и ко всему, что он делал в жизни, и действительно жалел, что отец умер слишком рано, не дав возможности насладиться местью. Теперь же оставалось только надеяться, что оккультные науки не врут, и астральное тело дорогого папочки, взирая из верхнего мира на ошеломляющий прижизненный успех никчемного, как ему

казалось, сына, от зависти кусает свои астральные локти. Юргену хотелось, чтобы папаша отгрыз их по самые плечи, но, увы, он был слишком сведущ в оккультизме и точно знал, что никаких локтей у астрального тела быть не может, и что, избавившись от оков гниющей плоти, дух человека переходит в чистую энергию, которой земные дела попросту неинтересны. Жаль, жаль! Но что поделаешь?

Неторопливо прошествовав по просторному, чистому, отлично освещенному гаражу, где со всех сторон на него смотрели, подмигивая красными глазками, любопытные объективы следящих видеокамер, Юрген вошел в кабину лифта. Скоростной лифт беззвучно и стремительно вознес его на двадцать шестой этаж новой элитной башни, откуда открывался прекрасный вид, весьма располагавший к возвышенным размышлениям. На ходу шаря по карманам в поисках ключей, Юрген прошел по коридору и остановился перед дверью своей квартиры, на косяке которой ровным рубиновым огоньком горела контрольная лампочка охранной сигнализации. Эрнст Карлович проделал все необходимые манипуляции с ключами и электронным чипом, вошел в прихожую, нащупал внутри стенного шкафа клавишу подтверждения, нажал ее и только после этого включил свет и снял ботинки.

Огромная, отделанная по последнему писку строительной моды, дорого и со вкусом обставленная квартира встретила его звенящей тишиной барокамеры – звукоизоляция тут была отменная. Это было особенно приятно после целого дня, проведенного в суеде и несмолкающем шуме большого города. Немелодично напевая «Гип, гип, ура, джентльмены, все отлично, погода в Лондоне без перемен», Юрген в одних носках двинулся в гостиную, включил свет, повесил на спинку стула надоевший пиджак, снял галстук и полез в холодильник. Время было позднее, и, памятуя о советах диетологов, Эрнст Карлович решил ограничиться йогуртом и легким овощным салатом.

– Бросьте, Эдуард Максимович, – слышался позади него хриловатый и совершенно незнакомый мужской голос. – Выкиньте эту козью пищу в мусоропровод и съешьте хороший кусок мяса!

От неожиданности Юрген вздрогнул, и пакет с йогуртом и миска с заранее нарезанным салатом из свежей капусты выскользнули у него из рук.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы унять сердцебиение, Юрген осторожно обернулся, уверенный, что увидит позади себя громилу в маске,

вооруженного ножом, а может быть, даже пистолетом.

Он ошибся. Сидевший в его любимом кресле у широкого, во всю стену, окна человек, хоть и был высок и широкоплеч, громилу нисколько не напоминал. У него была фигура античного бога, которую не могли скрыть ни черный костюм, ни расслабленная поза, и чеканный профиль, обрамленный аккуратной черной бородкой и усами. Незнакомец смотрел на Юргена с немного насмешливым прищуром, но безо всякой враждебности. Уголки красиво очерченного рта были приветливо приподняты. Рубашка и галстук гостя были того же цвета, что и костюм, то есть траурно-черные. Этот похоронный наряд в сочетании с перчатками, надетыми несмотря на теплую погоду, произвел на Юргена крайне неблагоприятное впечатление, рассеять которое не смогли ни улыбка незнакомца, ни его показное дружелюбие.

– Мужчина должен питаться мясом, – как ни в чем не бывало, продолжал этот тип. – Мясом, черным хлебом и красным вином. Именно красным, поскольку оно благотворно влияет на кровообращение, укрепляет сердечно-сосудистую систему и, как показали последние исследования, даже улучшает слух. Как у вас со слухом, Эдуард Максимович?

Только теперь Юрген сообразил, что его называют настоящим именем. В Москву он приехал уже Эрнстом Юргеном, а все, кто знал его как Эдика Юркина, остались далеко, в прошлой жизни – все, не считая нынешнего хозяина, Альберта Витальевича Жуковицкого.

Э, да что имя! Как, спрашивается, этот тип сюда проник? Двадцать шестой этаж. Запертые двери и окна. Охрана в холле первого этажа. Охрана в гараже. Сигнализация, будь она неладна! И вот, извольте – сидит, как у себя дома, даже не сняв черных перчаток! И в ботинках. Прямо на ковре. М-мать!!!

– Как вы сюда попали? – собравшись с силами, задал он самый главный вопрос.

Незнакомец усмехнулся – лениво, снисходительно, как мог бы усмехаться сытый хищник. Лев, например.

– Пусть это останется моим маленьким секретом. – Сблизив большой и указательный пальцы левой руки, незнакомец показал, какого, по его мнению, размера должен быть секрет. – Да что я говорю – пусть! – будто спохватившись,

перебил он сам себя. – Это просто останется секретом, безо всяких «пусть». Каждый имеет право на маленькие профессиональные тайны. Я же не спрашиваю, как вам удастся предсказывать будущее!

Осведомленность этого типа, одетого, как протестантский пастор на похоронах, нравилась Юргену даже меньше, чем его перчатки. Впрочем, на перчатки можно было пока не обращать внимания. Грабитель и, тем более, наемный убийца не стал бы вступать с ним в переговоры. Все, что было ценного в доме, лежало если не на виду, то в местах, вполне доступных даже без взлома, а прикончить Юргена, подкравшись к нему со спины, незнакомцу не составило бы ни малейшего труда. Но он явно был настроен поговорить, и это показалось Эрнсту добрым знаком.

– Чего вы хотите? – спросил он, все еще стоя в мокрых носках над йогуртовой лужей перед распахнутым настежь холодильником.

– Я ведь уже сказал, – улыбнулся незнакомец. – Мяса, черного хлеба и красного вина. Я чертовски проголодался, а шарить без спроса по чужим холодильникам не в моих правилах. Заодно и потолкуем.

– Значит, по холодильникам шарить нельзя, а по квартирам – можно? – попытался быть ироничным насмерть перепуганный астролог.

– Я не шарил по вашей квартире, – уточнил незванный гость. – Я в нее просто залез. То есть проник. Тайно. Понимаю, вам это неприятно, но вы поймете, почему я так поступил, когда вникнете в суть дела.

– Так у вас ко мне дело? – Юрген осторожно переступил залитую йогуртом горку капусты и вынул из холодильника блюдо с холодным мясом.

– Представьте себе, – сказал незнакомец, одобрительно поглядывая на мясо. – Вино, вино не забудьте! Вон, я вижу на дверце бутылку «Пино Нуар». Не шик-блеск, конечно, но вполне сойдет. Доставайте, доставайте, Эдуард Максимович! Проявите свойственное русской душе гостеприимство.

– Какой я вам русский? – буркнул Юрген, выставляя на барную стойку бутылку красного сухого вина.

– Ну, по крайней мере, ближе к русскому, чем к латышу... Или вы выдаете себя за эстонца? Простите, запамятовал. Столько всего приходится держать в голове, вы себе просто не представляете...

Юрген вдруг сообразил, кто перед ним, и обомлел. Некоторое время назад он довольно ловко вычислил информатора, внедренного ФСБ в окружение Жуковицкого. Что стало с этим человеком, астролог не интересовался, однако больше он его не видел, из чего следовало, что федералы остались без информации об Альберте Витальевиче. Смириться с этим они, конечно, не могли, вот и подослали своего человека к Юргену... Ай-яй-яй, вот так история!

Незнакомец, похоже, умел читать мысли.

– Давайте договоримся сразу, – предложил он, – чтобы не было недоразумений, недопониманий и прочих досадных «недо»... Я не являюсь сотрудником спецслужб, явившимся сюда, чтобы завербовать вас, шантажируя информацией о некоторых ваших не совсем благовидных поступках. Я не являюсь также наемным убийцей, алчущим вашей крови, или грабителем, которому нужны ваши сбережения. Тем более что вы с некоторых пор числитесь в людях цивилизованных и, несомненно, держите свои накопления не дома, а в банке. А бытовой электроники и прочего барахла у меня своего навалом, благодарствуйте.

– Не за что, – автоматически ответил Юрген, роясь в кухонном ящике в поисках штопора. Стоять к незнакомцу спиной было немного боязно, но он рассудил, что этому античному полубогу не составит труда свернуть ему шею голыми руками в любой момент и независимо от того, какой стороной своего тела Юрген будет к нему повернут – лицом, спиной, боком или, может быть, в три четверти. – Хорошо, – окончательно подавив предательскую дрожь в голосе, продолжал он, резкими движениями ввинчивая штопор в пробку. – Будем считать, что выяснили, кем вы НЕ являетесь. Тогда кто вы такой и что вам от меня нужно?

Незнакомец легко поднялся, подошел к стойке, выбрал на магнитном держателе нож, придирчиво осмотрел лезвие, одобрительно кивнул и принялся деловито и аккуратно нарезать мясо тонкими аппетитными ломтиками.

– Кто я такой – неважно, – сказал он, ловко орудуя ножом. Поскольку перчаток он так и не снял, придерживать мясо ему приходилось вилкой. Впрочем, судя по

его манерам, Юрген мог предположить, что незнакомец не стал бы хватать еду руками, даже будучи без перчаток – не так он был воспитан, чтобы игнорировать столовые приборы. – И от вас, Эдуард Максимович, мне ровным счетом ничего не нужно. То есть, пардон, заврался, о маленьком одолжении мне вас все-таки придется попросить.

– Ну, слава богу, – язвительно воскликнул Юрген. – А то я уже начал подозревать, что вы просто так, от нечего делать, залетели ко мне в гости через форточку, как Карлсон к Малышу.

– Показать вам спину? – с улыбкой предложил незнакомец. – Поверьте, там нет даже намека на пропеллер.

– Так что вам надо, не пойму?

– Маринованной черемши у вас нет? А чеснока? Жаль. Кетчуп в качестве приправы никуда не годится, пусть его едят американцы... О! Я вижу хрен. Хрен сгодится, хотя хрен с сухим вином – это... м-да.

– Можно подумать, маринованный чеснок с сухим вином сочетается лучше, – осторожно съязвил Юрген.

Он уже начал понемногу осваиваться и даже почти перестал бояться.

– Маринованный чеснок хорошо сочетается с черным хлебом и холодным мясом, – наставительно сообщил незнакомец. – Как, впрочем, и хрен. А вино – по крайней мере, то, которое вы держите у себя в холодильнике, – в данном случае выступает просто как напиток. Как жидкость, чтобы не есть всухомятку. В винах надо учиться разбираться, Эдуард Максимович. Вы многого достигли, а перспективы перед вами разворачиваются такие, что у меня, признаться, дух захватывает. Так что учитеесь разбираться в винах, а то может случиться конфуз.

– Откуда это вам известно – насчет перспектив? – насторожился Юрген. – На моего коллегу вы не похожи.

– Боже сохрани! – мужчина с комическим ужасом воздел кверху руки, в одной из которых поблескивал кухонный нож. – А насчет перспектив мне известно потому,

что во многом они зависят от результата нашей с вами беседы.

Отодвинув заметно поскуцневшего после этого заявления Юргена твердым плечом, он аккуратно накрыл на стол и откупорил бутылку.

– М-да, – сказал он, понюхав горлышко. – Не помои, конечно, но... А, ладно, сойдет. Давайте бокалы.

Они выпили, не чокаясь. Юрген, мучимый проснувшейся на нервной почве жаждой, выхлебал свой бокал в два огромных глотка, а незнакомец лишь слегка пригубил, заметно при этом поморщившись – видимо, продукция румынских виноделов действительно пришлась ему не по вкусу. Отставив бокал, гость с волчьим аппетитом, но при этом ухитряясь соблюдать все мыслимые правила застольного этикета, набросился на хлеб и мясо. Глядя на него, Юрген вспомнил, что тоже голоден, и, махнув на все рукой, последовал благому примеру.

– Согласитесь, что есть вкуснее всего вечером, после захода солнца, – с набитым ртом, но при этом вполне внятно, вещал гость. – Человеку, ведущему активный образ жизни, обильный ужин просто необходим. Обед можно пропустить. Я, например, никогда не обедаю, потому что после еды, как все простые смертные, соловею и делаюсь ленив, а это при моей работе просто недопустимо. Утром выпиваю чашечку кофе, иногда с бутербродом, обед пропускаю, зато уж вечером, если есть такая возможность, даю себе волю. И, как видите, фигура моя от этого ничуть не пострадала. Вообще, если человек склонен к полноте, ему никакая диета не поможет. Изнуряя себя голодовкой и пытаясь соблюсти придуманный невеждами в белых халатах режим питания, он только расшатает свою нервную систему и испортит желудок. Есть надо не по какому-то там режиму, а по потребности, когда голоден. Вы со мной согласны? Можете не отвечать. Я по лицу вижу, что согласны. Разум ваш может не соглашаться, зато желудок – полностью на моей стороне. Правда ведь?

Юрген неопределенно пожал плечом. Вся эта застольная трепотня была ему до лампочки.

– И потом, – продолжал гость, подливая хозяину вина, – все эти диеты и прочие виды самоистязания попросту бессмысленны. Человек голодает, отказывает себе в простейших удовольствиях, изнуряет себя дурацкими физическими упражнениями в тренажерном зале, а потом с ним происходит какая-нибудь

нелепая случайность, и он, усталый, голодный и раздраженный, отправляется в мир иной, где, как нам с вами доподлинно известно, ему уже ни за что не удастся наверстать упущенное. Ну, сами посудите, какой в этом смысл?

Юрген замер, не донеся до рта бокал, и подозрительно уставился на гостя.

– На что это вы намекаете?

– На то, что жизнь коротка. Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, – с удовольствием процитировал гость. – Автор этих слов распорядился своей собственной жизнью так, что хуже не придумаешь, однако под данным заявлением я готов подписаться. Вы неплохо поднялись, Эдуард Максимович, но неужели вам не хочется большего, чего-то по-настоящему значимого? Чего-то такого, чтобы вас вспоминали столетия спустя и называли, к примеру, Эрнстом Великим?

– Знаете, – отставляя в сторону нетронутый бокал, сухо произнес Юрген, – несмотря на довольно странную манеру ходить в гости, вы в высшей степени приятный собеседник. Однако время позднее. У меня был тяжелый день, я чертовски устал и хотел бы, чтобы вы, наконец, перешли к делу.

– А я уже перешел, – непринужденно сообщил несколько не смущенный этим выпадом незнакомец, ловко цепляя на вилку и препровождая в свою тарелку очередной ломоть мяса. – У меня к вам серьезное деловое предложение, – продолжал он, обильно сдабривая мясо хреном. – Полагаю, оно вас заинтересует. Речь идет о коммерческой сделке. Как говорится, у нас товар, у вас – купец.

– Вообще-то, говорится как раз наоборот, – заметил Юрген, вспомнив, как засылали сватов в родном Козьмодемьянске.

Эрнст вдруг увидел эту картину ясно, как наяву, и она неожиданно пронзила сердце сладкой тоской. «Ностальгия, – с некоторым удивлением подумал он. – Это еще откуда? Впору к психоаналитику записываться...»

– Не будьте формалистом, – отмахнулся незнакомец. – В конце концов, я вас не сватаю, я просто предлагаю вам товар. И, между прочим, очень точно описываю

ситуацию. У меня товар, а у вас, как бы вам ни хотелось этот товар заполучить, просто не хватит на него денег. Зато у вас есть купец, способный оплатить данную покупку. Ведь вы же на короткой ноге с Жуковицким, верно? Вот и попросите у него денег.

– Погодите, не так скоро, – растерялся Юрген. – С чего это вы взяли, что ваше предложение меня заинтересует? А тем более Жуковицкого?

– Если оно вас не заинтересует, я буду крайне разочарован в людях, – объявил гость. – А заодно и в себе, поскольку до сих пор я ни разу не допускал таких катастрофических ошибок в выборе делового партнера.

– Ну-ну, – снисходительным тоном произнес астролог, начиная ощущать себя хозяином положения: незнакомец, как оказалось, пришел навязать ему какой-то товар, а значит, несмотря на все его странности, представлял собой всего-навсего слегка модифицированную разновидность коммивояжера – распространителя косметики, моющих средств или, скажем, бытовых электроприборов. – Так что это за товар такой, на который у меня не хватит денег? Золотой прииск? Межконтинентальная ракета?

– Фотокопия недостающей части «Центурий», – оставив без внимания прозвучавшую в вопросе иронию, как ни в чем не бывало ответил незнакомец. – А также подлинные записки Конрада Бюргермайера, придворного астролога Петра Первого, в которых, по слухам, содержится открытый им ключ к шифру Нострадамуса. Вам это о чем-нибудь говорит? Вижу, что говорит. Выпейте вина, Эдуард Максимович, вы побледнели...

Глава 5

Завтрак был, без сомнения, калорийным, питательным и вообще в высшей степени полезным для выздоравливающего организма. Это, увы, никоим образом не влияло на его вкусовые качества, и, чтобы впихнуть в себя эту безвкусную размазную, увенчанную тощей рыбной котлеткой, нужно было сделать изрядное волевое усилие.

Делать разнообразные усилия, как волевые, так и физические, ему было не привыкать, а организм действительно остро нуждался в энергии для восстановления сил. В последние две недели он наконец-то начал испытывать здоровый голод, и это его радовало. А вкус... Ну, что вкус? В конце концов, тому, кто приучен в случае острой необходимости утолять голод дождевыми червями и насекомыми, больничная овсянка нипочем...

Отставив на тумбочку тщательно подчищенную хлебной коркой тарелку и пустой стакан из-под слишком сладкого компота, он прилег на кровать, по уже укоренившейся привычке притворяясь куда более слабым, чем был на самом деле. Ему подумалось, что это притворство – напрасный труд. Для кого, собственно, он притворяется? Ну, допустим, в палате установлена следящая камера. Очень может быть. Почему бы и нет? То, что камеры не видно, не означает, что ее нет. Значит, следует считать, что она есть, пока не будет твердо доказано обратное. Спрятать ее могли, например, вон в той вентиляционной отдушине – лучшего места просто не придумаешь, да и не видно его здесь, другого места...

Словом, если камера есть, симулировать слабость – святое дело. Это неплохой способ ввести противника в заблуждение. Вот только те, кто умирает от слабости, не уплетают безвкусную больничную пищу с таким волчьим аппетитом. Умиравших от слабости приходится кормить почти насильно, с ложечки, а то и вовсе через капельницу. Но, если не есть, слабость, которую сейчас приходится симулировать, одолеет и без того измученный организм.

«К черту, – подумал он, скользя взглядом из-под полуопущенных век по уже ставшей привычной, почти родной обстановке. – От таких мыслей действительно можно заболеть. С чего, в конце концов, я взял, что имею дело с противником? Откуда это ясно, что за мной ведется круглосуточное наблюдение, и кому это надо – следить за таким полутрупом, как я? Нет, конечно, на свете сколько угодно людей, у которых нет оснований желать мне добра. Но, попадись я к ним в руки, лечить меня они бы уж точно не стали. Они бы не стали даже тратить на меня пулю – это бы просто не понадобилось. Достаточно было всего-навсего присесть рядышком и спокойно, с удовольствием наблюдать, как я отдаю концы. Судя по всему, много времени это не заняло бы».

Он отлично помнил, как все произошло. У него было задание, простое и ясное: убрать человека, который с некоторых пор почти в открытую, и притом небезуспешно, пытался заполучить единоличный контроль над такой мощной

корпорацией, как российский Газпром. Это предоставляло неограниченные финансовые возможности, а вместе с ними, почти неизбежно, и огромное политическое влияние. Учитывая личность клиента и некоторые моменты его деловой и политической карьеры, оставшиеся без крайне неприятных последствий ввиду их полной недоказуемости, допустить этого было нельзя. Неизвестно, на каком уровне было принято решение о ликвидации – исполнителям подобные вещи знать не полагается, – но сделать это надлежало аккуратно, с соблюдением полной конфиденциальности.

Выследив господина депутата, он явился на дом к его любовнице, чтобы устроить там засаду. Никого не побеспокоив, отключил охранную сигнализацию. Без каких бы то ни было проблем отпер дверь заранее изготовленным дубликатом ключей. Никем не замеченный и, что самое смешное, почти на сто процентов уверенный, что дело уже, можно сказать, в шляпе, повернул ручку и потянул дверь на себя.

И услышал отчетливый, сухой щелчок сработавшего запала.

Вот, собственно, и все, что он помнил. Можно было предположить, что жизнь ему спасла железная дверь квартиры: она открывалась наружу и, выбитая мощным взрывом, припечатала его к стене, переломала бог знает, сколько костей, но приняла на себя основную массу осколков, которые в противном случае неизбежно превратили бы его в грудку мясного фарша. В себя он пришел уже здесь, в этой палате, откуда только неделю спустя двое санитаров с фигурами борцов-тяжеловесов и с неестественно бесшумной походкой убрали реанимационную аппаратуру.

Лежа на спине, агент по кличке Слепой еще раз оглядел помещение.

Одноместная палата, небольшая, но очень светлая. Кремовые стены без намека на тоскливый больничный кафель, современная мебель – кровать, встроенный платяной шкаф, тумбочка, – идеально ровный белоснежный потолок – все было чистенькое, без единого пятнышка, без малейшей потертости, словно это помещение только что сдали в эксплуатацию. При этом пахло здесь не стройкой и даже не больницей, а чем-то приятным, смутно знакомым – кажется, ароматизированным моющим средством, вроде того, которым натирают полы в супермаркетах. Гладкий, матово лоснящийся, теплого светлого оттенка ламинированный пол, стерильно чистый, оборудованный по последнему слову техники санузел с душевой кабиной, приветливый, хотя и неразговорчивый

персонал, великолепный уход – все это меньше всего напоминало тюрьму.

И, тем не менее, это была если не тюрьма, то нечто, весьма на нее похожее.

Наружная стена палаты, против которой стояла кровать, на высоте примерно двух с половиной метров загибалась вовнутрь под углом примерно в сорок пять градусов, образуя откос, в котором было прорезано продолговатое, горизонтальное, как амбразура дота, окно. Пациент, таким образом, даже стоя не мог видеть из этого окна ничего, кроме неба – то голубого, то серого, ненастного, то ночного, усеянного звездами. Разумеется, можно было придвинуть к окну стул или тумбочку и, взгромоздившись на эту подставку, попробовать увидеть больше. Но что-то подсказывало Глебу, что это будет напрасный труд: это место явно строилось очень неглупыми людьми, которые, надо полагать, постарались все предусмотреть.

Невозможно было угадать, из чего сделана входная дверь – гладкая, отделанная под дерево того же цвета, что и пол. Но всякий раз, когда она открывалась или закрывалась, Глеб слышал щелчок электрического замка, а дверное полотно поворачивалось на петлях с той плавной неторопливостью, которая свидетельствует о приличном весе. Эта дверь была несокрушима – по крайней мере для человека, не имеющего никаких инструментов и приспособлений, кроме собственных рук. Окно выглядело немногим лучше: его легкомысленная прозрачность, позволявшая видеть небо, не скрывала того простого факта, что оно представляло собой глухой тройной стеклопакет в прочной алюминиевой раме, которая была намертво вмурована в стену. Ни петель, ни ручек на этом окне не наблюдалось; окно предназначалось исключительно для освещения в дневное время, но никак не для вентиляции, и прочностью почти наверняка не намного уступало двери.

Эти отверстия Глеб изучил давно и нашел их совершенно непригодными в качестве путей для побега. Оставалось проверить на прочность здешний персонал, и он проделал это три дня назад, когда ему впервые позволили встать с кровати. Сделав вид, что потерял равновесие, он на глазах у молоденькой, хрупкой с виду медсестры начал мешком валиться на пол. Сестричка, стоявшая примерно в трех метрах, в мгновение ока очутилась рядом, подхватила его на лету и не только удержала, но и вернула в вертикальное положение. Причем проделано это было с быстротой и ловкостью профессионального дзюдоиста, демонстрирующего новичку простенький приемчик, а сквозь мягкую фланель больничной пижамы Глеб ощутил неожиданную силу и твердость тонких

девичьих рук. Миловидная сестричка еще не успела ослабить захват, а электрический замок уже щелкнул, тяжелая дверь распахнулась, и через порог шагнул санитар – приземистый детина с перебитым носом, неправдоподобно широкими, как у мультипликационного силача, плечами и бицепсами, на которых едва не лопались рукава белого медицинского халата. На сизом бритом черепе приплюснутым блином сидела белая шапочка, в вырезе халата виднелся треугольник майки защитного цвета, а снизу из-под полы откровенно и неприкрыто выглядывали камуфляжные брюки, заправленные в высокие ботинки армейского образца. В нагрудном кармане лежала пачка сигарет, а в левом боковом кармане, без сомнения, находились наручники. Когда санитар убедился, что все в порядке, и повернулся лицом к двери, Глеб разглядел очертания наплечной кобуры.

По идее, все это указывало на принадлежность здешнего персонала к силовым структурам. Но кто сказал, что ими располагает только государство? Давешний клиент, например, имел в своем распоряжении отличную службу безопасности, а денег у него могло хватить на постройку и содержание хоть десятка таких вот комфортабельных, оснащенных всем необходимым частных тюрем. И, между прочим, с точки зрения господина депутата выздоровление Глеба почти наверняка представлялось желательным: живой, надежно запертый, целиком и полностью находящийся в твоей власти киллер куда лучше мертвого. Живого можно допросить, чтобы узнать, кто его подослал, и записать его откровения на пленку. А допрашивать полутруп – дело неблагодарное. Дашь ему разок ботинком в ребра, чтоб стал разговорчивее, а он возьмет и откинёт копыта. Вот и разговаривай с ним тогда...

За неимением лучшего Слепой решил принять это предположение как рабочую гипотезу и действовать соответственно. Если окажется, что он ошибся и сильно сгустил краски, тем лучше: как говорится, надейся на лучшее, а готовься к худшему. Хотя, если немного подумать, откуда оно возьмется – лучшее? Если бы все было хорошо и славно, он бы сюда не попал. Никто не минирует двери квартиры собственной любовницы, почти жены, просто так, на всякий случай. Значит, господин депутат точно знал, кто, когда, куда и с какой целью придет. Значит, имела место либо утечка информации, либо грубая подстава с целью ликвидировать агента по кличке Слепой. И в том, и в другом случае немногочисленные ниточки этого дела сходились на фигуре генерала Потапчука. Думать так о Федоре Филипповиче было очень неприятно, но ничего другого Глеб просто не мог предположить. А если господин генерал все-таки решил от него избавиться, вывести своего агента за скобки, то ждать от него помощи не приходилось.

Но если Федор Филиппович решил списать его в расход, к чему все эти хлопоты с лечением? Он ведь был уже практически мертв, так какого дьявола?..

Как обычно, дойдя в своих размышлениях до этого места, Глеб почувствовал, что окончательно запутался. Ему катастрофически не хватало информации, да и полученная при взрыве контузия, надо полагать, до сих пор сказывалась на его способности к аналитическому мышлению.

И, как всегда, стоило ему прийти к этому неутешительному выводу, как электрический замок входной двери щелкнул, и на пороге появилась медсестра. Имени этой девицы, как и ее сменщицы, Глеб не знал – на все попытки вывести у них эту ценную информацию девушки отвечали уклончивыми улыбками. Сиверову эта уклончивость представлялась следствием скорее воинской дисциплины, чем девичьей скромности, и, поразмыслив, он решил не обращать на это внимания: в конце концов, в его нынешнем состоянии он вряд ли мог представлять интерес для девушек, да и самому ему было, честно говоря, не до ухаживаний, пусть даже и шутливых.

Вслед за медсестрой в палату ввалился амбал в белом халате, толкая перед собой инвалидное кресло на велосипедных колесах. Кресло, как и все тут, было с иголочки – настолько новое, что от него по всему помещению так и разило резиной и пластиком.

– На прогулку пойдете? – спросила сестра таким тоном, словно ее и впрямь интересовал ответ.

Глебу захотелось просто для разнообразия сказать «нет» и посмотреть, что из этого получится, но он благоразумно воздержался. Вариантов развития событий после такого ответа существовало только два: его могли погрузить в кресло силой или оставить в покое – лежать на койке, смотреть в небо через наклонное окошко и в сотый раз гонять одни и те же мысли по замкнутому кругу.

– Конечно, – сказал он и был вознагражден белозубой улыбкой – вполне профессиональной, оставившей красивые карие глаза спокойными и деловито-равнодушными, но все равно милой, особенно по сравнению с мрачной рожей громоздившегося в дверном проеме амбала.

Не говоря ни слова, сестра бросила быстрый взгляд через плечо, и амбал пришел в движение, как будто его включили нажатием кнопки. Заранее растопыривая похожие на окорока ручищи, чтобы половчее поднять Глеба с кровати и переместить в кресло, он шагнул вперед мимо посторонившейся медсестры. От него за версту несло чесноком и сапожным кремом, и Глеб поспешно сел.

– Не надо, – сказал он, – я сам.

– Сам так сам, – согласилась сестра, взглядом остановив санитаря.

Глеб сбросил с кровати ноги, нашарил ступнями больничные шлепанцы, встал и, качнувшись для порядка, перебрался в кресло. При этом он подумал, что от услуг санитаря с креслом пора отказаться: еще немного, и его заподозрят в симуляции. А с другой стороны, чем скорее он начнет ходить, тем скорее окажется в допросной камере, оборудованной, как и все в этом странном месте, по последнему слову современной техники. «Вот попал, – думал он, с полным комфортом катясь в инвалидном кресле по длинному и пустому коридору, в котором не было ни одного окна. – Куда ни кинь, все клин!»

Когда санитар вкатил кресло в кабину лифта, Глеб подумал, что времени у него осталось совсем мало. Судя по всему, здешний персонал не лыком шит: они наверняка знают о его физическом состоянии едва ли не больше, чем он сам. Симуляцией их не очень-то обманешь; как только они сочтут, что по состоянию здоровья их пациент способен пережить допрос третьей степени, этот допрос не заставит себя долго ждать. Следовательно, нужно было в срочном порядке искать способ покинуть это гостеприимное местечко. Возможно, это будут напрасные хлопоты; возможно, грозящая Глебу опасность существует только в его воображении. Тем лучше! Убравшись отсюда, он в любом случае ничего не потеряет, а вот оставшись, может потерять все.

Лифт тронулся, и Сиверов привычно сосредоточился на задачке, которую никак не мог решить: с какого именно этажа его спускают.

* * *

Иван Яковлевич прошелся по просторному кабинету и остановился перед окном, заложив за спину большие руки с мясистыми ладонями и сцепив в замок

коротковатые толстые пальцы. Из рта у него торчала зажженная папироса, и на фоне окна, за которым стоял яркий полдень, были отчетливо видны лениво клубящиеся облака дыма, придававшие Ивану Яковлевичу вид некоего мифологического огнедышащего существа, вззирающего на суетный мир сверху вниз и уже не в первый раз пытающегося решить, что ему с этим миром сделать: вымарать к чертовой бабушке и начать все сначала или оставить, как есть – авось, само как-нибудь рассосется.

При невысоком росте Иван Яковлевич Корнев отличался богатырским телосложением – то есть напоминал куб или, если угодно, шар на крепеньких кривоватых ножках. Так, наверное, выглядел бы Илья Муромец, одетый в современный деловой костюм с несвежей рубашкой, старомодным галстуком, и гладко выбритый – без бороды, усов и кудрей, с огромной сверкающей лысиной в обрамлении коротенькой седоватой щетины, заменявшей ему прическу. Иван Яковлевич был генералом контрразведки, а значит, действительно принадлежал к числу людей, которые по своему усмотрению управляют судьбами мира. Курил он исключительно папиросы, и не какой-нибудь плебейский «Беломорканал», а те самые, которые предпочитал покойный генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин – «Герцеговину Флор». При этом не был ни ярым приверженцем покойного генералиссимуса, ни таким уж апологетом твердой руки или ежовых рукавиц – о, нет! Просто он курил «Герцеговину Флор» с тех самых пор, когда зарплата, наконец, начала позволять ему такую роскошь, и курил ее до сих пор, хотя даже его коллеги, по долгу службы обязанные знать все на свете, не могли хотя бы приблизительно предположить, где он берет эту легендарную отраву. Возможно, это звучит странно, но, будучи генералом контрразведки и предпочитая всем остальным табачным изделиям любимые папиросы покойного тирана, генерал-майор Корнев оставался вполне приличным человеком – был галантен с женщинами, тверд с мужчинами, умел держать слово, пользовался уважением сослуживцев и любовью близких.

Глядя на суетный мир сверху вниз через широкое, отмытое до скрипа окно, попыхивая папиросой и сцепив за спиной короткие толстые руки, генерал-майор спросил:

– Этот?

Федор Филиппович с облегчением поставил на стол рядом с нетронутой чашкой Корнева свою и встал. В чашках был чай – расфасованная в пакетики дешевая дрянь с запахом ежевики и вкусом хлорированной водопроводной воды. По

сравнению с этим напитком чрезмерно крепкий кофе, который, бывало, заваривал Глеб Сиверов, казался нектаром.

Избавившись от предложенного местным начальством угощения, генерал Потапчук подошел к окну. Они смотрели наружу сквозь щели между матерчатыми лентами вертикальных жалюзи – то есть могли видеть все, сами оставаясь невидимыми.

Из окна открывался вид на уютный больничный дворик с обсаженными аккуратно подстриженными шпалерами кустов цементными дорожками, купами старых лип и скромным фонтаном в центре. При своих небольших размерах этот парк для выгула инвалидов снизу, с утопающих в зелени дорожек, наверняка должен был представляться прикованным к креслам на колесиках людям безграничным. Они не могли видеть ни высокого кирпичного забора, оплетенного поверху колючей проволокой, ни расположенного за этим забором проволочного ограждения в три ряда, через которое был пропущен электрический ток, ни вооруженных армейских патрулей. Это было им ни к чему – они лечились, поправляли здоровье, а те, кто их сюда поместил, как умели, заботились о том, чтобы внешний мир их не беспокоил.

По дорожке между зелеными шпалерами санитар в белом халате неторопливо катил инвалидное кресло. Даже отсюда, сверху, было хорошо видно, что это громадный амбал, которому белый медицинский халат идет как корове седло. В кресле, закрыв глаза, в расслабленной позе, запрокинув бледное, осунувшееся лицо, сидел человек в больничной пижаме. Его левая рука висела на марлевой перевязи, голова была забинтована, на правой ноге тоже красовалась повязка. Этот пациент имел блаженный вид человека, побывавшего на грани между жизнью и смертью, хорошо об этом помнящего и потому наслаждающегося каждым мгновением бытия. Это выглядело настолько правдоподобно, что Федор Филиппович на секунду засомневался: неужели все так и есть?

– Этот, этот, – со странной, немного язвительной интонацией подтвердил полковник медицинской службы Вдовиченко – хозяин данного заведения. На нем был мятый белый халат, из-под которого выглядывали офицерская рубашка с защитного цвета галстуком и брюки с лампасами. Лицо у полковника было длинное и костистое, редкие русые волосы он зачесывал назад, а почтения к старшим по званию проявлял немногим больше, чем врач районной поликлиники к явившимся на прием пенсионерам.

– Да, этот, – подтвердил Федор Филиппович и спросил, обращаясь к полковнику: – Ну, как он тут у вас?

– Великолепно, – все с той же непонятной язвительностью, о причинах которой генерал Потапчук, впрочем, смутно догадывался, ответил Вдовиченко. – Вполне созрел для выписки.

– Как? – искренне изумился Потапчук. – Уже?

Вдовиченко, прежде чем ответить, щелчком выбил из мягкой бумажной пачки сигарету и закурил.

– Мне таких пациентов даром не надо, – сказал он. – Забирайте вы его от греха подальше, ей-богу.

Генерал Корнев медленно повернул тяжелую лысую голову и с удивлением, как на внезапно заговоривший стул, воззрился на полковника. Федор Филиппович едва заметно усмехнулся.

– Что, шалит? – поинтересовался он таким тоном, каким любящие родители осведомляются о поведении своего ребенка в детском саду.

– Шалить не шалит, – сказал полковник, – но явно подумывает, как бы рвануть когти.

Генерал Потапчук высоко задрал брови, демонстрируя полное непонимание.

– Как это? – спросил он, словно опасаясь, что военврач не поймет его пантомимы.

– Исследует обстановку, – сказал полковник. – Пробует все на зуб, проверяет на прочность. Симулирует помаленьку, прикидывается более слабым, чем есть на самом деле. А сам позавчера затеял от пола отжиматься.

– И как? – с огромным интересом спросил Федор Филиппович.

– Пять раз, – сказал врач. – Потом упал. Но встал, что характерно, сам. Когда санитар вбежал в палату, чтобы его поднять, он уже лежал на кровати и

изображал умирающего.

– Наш человек, – одобрительно произнес генерал Корнев.

Федор Филиппович со странным выражением покосился на него, пожевал губами, но промолчал.

– Да, – сказал он после паузы. – Гвозди бы делать из этих людей...

– Так он у тебя, говоришь, в погибших числится? – спросил Иван Яковлевич.

– И не в первый раз.

– Это хорошо. Выходит, хвостов никаких.

– Никаких, – солгал генерал Потапчук. – Послужной список отсутствует...

– Человек ниоткуда, – с удовлетворением констатировал Корнев. – Это хорошо. И, судя по всему, не дурак, а это еще лучше.

– Послушай, Иван Яковлевич, – грозно начал Потапчук. – Хочу тебя предупредить. Не стоит даже пытаться использовать его втемную. Во-первых, он сам тебе этого не позволит, а во-вторых...

Полковник медицинской службы Вдовиченко сделал скучное лицо и вернулся к столу, где его дожидался остывший чай.

– А во-вторых? – повторил генерал Корнев, не выпуская изо рта изжеванный мундштук папиросы и с интересом глядя на Федора Филипповича.

– Будешь иметь дело со мной, – пообещал Потапчук.

Некоторое время Иван Яковлевич внимательно вглядывался в его лицо, словно прикидывая, насколько это хлопотно и опасно – иметь дело с генералом ФСБ Потапчуком, – а потом, рассмеявшись, хлопнул Федора Филипповича по плечу.

– Брось, Федор! Ну, что это за детский сад, в самом деле? «Вы будете иметь дело со мной!» – воскликнул маркиз и обнажил шпагу... Ты что, не доверяешь мне? Мы же с тобой сто лет знакомы! Сколько пудов соли вместе съели, теперь, поди, и не сосчитаешь...

– Да, – согласился Потапчук. – Вместе рубали белых саблями на скаку, вместе потом служили в артиллерийском полку...

– Каких еще белых? – простодушно изумился Корнев и опять рассмеялся. – А, это поэзия!

– Да, – подтвердил Федор Филиппович. – В виде стихов. Я все-таки не пойму, Иван, зачем он тебе понадобился.

Генерал Корнев гулко ударил себя тяжелым кулаком в выпуклую грудь.

– Не могу! – сказал он проникновенно. – Ну, веришь – не могу! Ты же военный человек, Федор, должен понимать: существуют вещи, о которых не то что жене или отцу с матерью – самому себе вслух рассказывать запрещено!

– Запрещено или стыдно? – как бы между делом уточнил Федор Филиппович.

Бычья шея генерала Корнева налилась темной кровью.

– Федор, ты меня знаешь, – веско, чуть ли не с угрозой, сказал он. – Я двадцать пять лет служу, и служу, заметь, не за ордена и не за чечевичную похлебку! Мне стыдиться нечего! Я за четверть века ни разу чужую задницу вместо своей не подставил!

– Как же ты жив-то до сих пор? – с самым невинным видом изумился Потапчук.

Полковник Вдовиченко в кресле за накрытым для чаепития столом окончательно заскучал и начал, прихлебывая из чашки чуть теплый чай, с отсутствующим видом перелистывать какую-то историю болезни. Он не любил, когда при нем выясняли отношения генералы: в подобных случаях все шишки, как правило, достаются младшему по званию, которому не посчастливилось стать свидетелем этого боя быков. Лучше всего сейчас было бы уйти, но полковник не мог этого

сделать: во-первых, это был его собственный кабинет, где, между прочим, тоже хранилось немало секретных, не предназначенных для постороннего глаза бумаг, а во-вторых, его, дисциплинированного офицера, отсюда пока никто не отпускал.

Генерал Корнев некоторое время молчал, шумно дыша носом, из чего следовало, что он по достоинству оценил шутку своего коллеги. Из этого следовало также, что в данной шутке содержалась изрядная доля правды. Иван Яковлевич очень хотел выглядеть прямым, бесхитростным служакой, и сплошь и рядом это ему удавалось. Однако бесхитростный контрразведчик – это катахреза, то есть совмещение несовместимых понятий, и оба генерала прекрасно об этом знали.

– Ну ладно, – проворчал, наконец, генерал Корнев. – Не хочешь – не надо. Подумаешь, цаца! В конце концов, это была твоя идея. Это еще разобраться надо, кого и зачем ты, Федор Филиппович, мне подсовываешь.

В кабинете наступила тишина, нарушаемая только шелестом страниц, которые нервно листал полковник Вдовиченко, да чирканьем спички о коробок – генерал Корнев, человек консервативный, не признавал зажигалок и в данный момент как раз пытался добыть огонь, чтобы зажечь очередную папиросу.

Генерал Потапчук молчал. Прошло секунд тридцать, прежде чем полковник Вдовиченко осознал, что это неспроста. Он поднял голову и увидел, что оба генерала с одинаковым выражением лиц – вернее, безо всякого выражения, – смотрят прямо на него. Полковник все понял.

– Прошу прощения, – сказал он, поддергивая рукав белого халата и глядя на часы, – у меня начинается обход. Если вы позволите...

– Конечно, – с доброжелательной улыбкой произнес генерал Потапчук.

– Свободен, полковник, – поддержал его генерал Корнев. – Ты не беспокойся, мы тебя подождем. Заодно и присмотрим, чтоб тут никто ничего...

– Собственно, это необязательно, – вставая и беря под мышку историю болезни, которую до этого перелистывал, неубедительно возразил полковник. – У меня секретов нет...

– Конечно, – повторил Федор Филиппович.

– Бабушке своей расскажи, – добавил прямодушный Иван Яковлевич. – Какие могут быть секреты после того, как Франкенштейн и Железная Маска от тебя выписались?

– Разрешите идти? – деревянным голосом осведомился полковник Вдовиченко.

– Свободен, – повторил генерал Корнев.

– Конечно, – повторил генерал Потапчук, который, казалось, временно забыл все остальные слова великого и могучего русского языка.

Выдворенный из собственного кабинета полковник медицинской службы Вдовиченко покинул помещение, унося под мышкой историю болезни какого-то не известного широкой общественности спасителя мира.

– Ну, – сказал генерал Потапчук, когда за ним закрылась дверь, – и в чем ты, Ваня, намерен разобраться?

Иван Яковлевич посмотрел вниз, где дюжий санитар в камуфляжных брюках и высоких армейских башмаках катал по цементной дорожке инвалидное кресло с обряженным в больничную пижаму человеком, и повернулся к окну спиной.

– Не то чтобы разобраться – сказал он, – а понять все-таки хотелось бы. Я же вижу, ты над этим своим человечком трясешься, как мамаша над долгожданным первенцем. И при этом пытаешься сбавить его мне, толком даже не зная, как его станут использовать. Пойми, Федя, работа у меня такая – во всем сомневаться. Вот я и сомневаюсь: а нет ли тут подвоха?

Федор Филиппович помолчал, обдумывая ответ. Генерал Корнев его не торопил: он видел, что старый приятель не отмалчивается, а именно обдумывает формулировку. Кроме того, он был кровно заинтересован в предложении Потапчука и боялся неосторожным словом спугнуть удачу.

– Подвоха тут никакого, – сказал, наконец, генерал Федор Филиппович. – Просто, как ты верно подметил, я им очень дорожу, а обстоятельства таковы, что ему

необходимо на некоторое время исчезнуть. Понимаешь, у меня провалилась операция. Причем провалилась как-то очень странно. Ей-богу, Иван, тут какой-то мистикой отдает. Об этом деле знали только я и он, больше никто. А кончилось все так, словно наш объект получил информацию из первых рук. У него, – генерал кивнул в сторону окна, – стопроцентное алиби, поскольку выжил он только чудом.

– Значит, это ты настучал, – с тяжеловесным генеральским юмором констатировал Иван Яковлевич.

– Так точно, – не оценив шутки, мрачно констатировал Потапчук. – Но я не стучал. Следовательно, мы имеем дело либо с чудом, либо с отлаженной системой шпионажа – прямо у меня под боком, в моем кабинете на Лубянке, у меня дома, где угодно. Ты не поверишь, Иван, но я даже заменил все пуговицы на своем костюме – спорол, раскусил каждую плоскогубцами, купил в магазине новые и сам, своими руками, пришил...

– Зря мы полковника отпустили, – задумчиво произнес куда-то в пространство генерал Корнев. – Я ведь даже не знаю, есть ли у него тут отделение для психических... Эк тебя, Федя, припекло!

– Припекло, – честно признался Потапчук.

– А этот парень, – тоже кивнув в сторону окна, продолжил за него Корнев, – слишком много знает... Послушай, Федор, а тебе не приходило в голову... э... гм... Ну, словом, что его лучше было бы... того?..

– Это не обсуждается, – сухо произнес Федор Филиппович.

– Ну и правильно, – с каким-то облегчением похвалил его Корнев. – Так и надо. Как в том кино: я, говорит, не за белых и не за красных, а, как во дворе, – за своих. Ну и молодец. Хуже нет, чем своих ребят сливать, уж мы-то с тобой знаем... Ну, тогда ладно. Будем считать, что все ясно. Да ты не волнуйся, у меня он будет, как у Христа за пазухой! Работа тихая, кабинетная, хотя и ответственная, секретность – э, брат!.. Ты такой секретности, поверь, даже и не нюхал. Так что, когда он в должность вступит, можешь считать его без вести пропавшим. До тех пор, конечно, пока назад не попросишь. Тогда, клянусь, получишь своего любимчика в целости и сохранности. По первому требованию.

– А чем все-таки он будет у тебя заниматься? – спросил Федор Филиппович, не до конца убежденный в искренности собеседника. – Или это секрет?

– Секрет, – с сокрушенным видом кивнул генерал Корнев. – Секрет на сто лет. Но тебе, Федя, я скажу. Не все, конечно, а только то, что можно. Он будет... как бы это выразиться?... смотрителем библиотечного фонда.

Сделав это неожиданное заявление, Иван Яковлевич окутался густым облаком табачного дыма и из его глубины стал заинтересованно наблюдать за тем, как его коллега борется с остолением.

– Прости, – одержав в этой борьбе частичную победу, осторожно произнес Федор Филиппович, – но у него, мягко говоря, немного другая специальность. Библиотекарь из него... Не знаю. Я даже как-то сравнение не подберу...

– Понимаю, – выпуская на волю еще одно дымное облако, утвердительно склонил голову Корнев. – Даже отсюда видно, что окончил он вовсе не библиотечный институт. Но это, брат, такая библиотека...

– Какая? – спросил генерал Потапчук, видя, что продолжения не будет.

– А такая, Феденька, – сказал Иван Яковлевич, – что, если я тебе про нее хоть что-то расскажу, мне придется сначала пришить тебя, а потом застрелиться самому, пока другие мне не помогли. Не слишком ли высокая плата за две минуты дружеской откровенности?

В мозгу генерала Потапчука вспыхнула красная лампа и зазвенел сигнал тревоги. Похоже было на то, что Глеб с его помощью угодил из огня да в полымя. Однако пути к отступлению уже были отрезаны, да и другого варианта пока не просматривалось. Поэтому он понимающе ухмыльнулся и, делая вид, что не заметил допущенной Иваном Яковлевичем оговорки, веско произнес:

– Ну, в таком случае, это именно тот человек, который тебе нужен. Можешь на него положиться, он не подведет.

– Значит, по рукам. – Корнев ввинтил окуроч в пепельницу, тяжело опустился в кресло у стола и пригубил остывший чай. – Ну и дрянь! Что это, ей-богу –

нарочно?

– Недостаток финансирования, – лениво предположил Федор Филиппович.

– У кого – у них?! – Иван Яковлевич возмущенно фыркнул и сердито оттолкнул от себя чашку. – Просто этот Вдовиченко – жлоб. За копейку удавится, одно слово – хохол... Могу поспорить, для себя он такой чаек держит – закачаешься, язык проглотить! А это дерьмо – для гостей, чтоб долго не засиживались...

– Ну и правильно, – сказал Потапчук. – На всех не напасешься. Вот что, Иван Яковлевич. Пока я не забыл...

Он полез во внутренний карман пиджака, вынул оттуда футляр из мягкой тисненной кожи и протянул его Корневу. Иван Яковлевич заглянул внутрь и удивленно поднял брови. В футляре лежали обыкновенные солнцезащитные очки – обыкновенные, по крайней мере, с виду.

– Это что? – подозрительно спросил он, так и этак вертя очки перед глазами в поисках скрытой внутри оправы шпионской аппаратуры.

– Это очки, – ответил Потапчук. – Самые обыкновенные, из магазина. Если не веришь, можешь просветить их рентгеном. Или просто выбросить и купить взамен другие, по своему выбору.

Иван Яковлевич взвесил очки на ладони. Они весили ровно столько, сколько должны весить обычные солнцезащитные очки, и ни граммом больше, а тончайшая металлическая оправка, судя по всему, не скрывала в себе никаких сюрпризов.

– Верю, – сказал генерал Корнев. – Очки как очки. Ну, и что я должен с ними делать?

– Передай ему. У него повышенная чувствительность к дневному свету, ему без них тяжело. Это может подтвердить любой окулист.

– Да ладно тебе, – благодушно проворчал Иван Яковлевич, убирая очки в футляр, а футляр – во внутренний карман пиджака. – Что ты заладил – проверь, убедись,

любой подтвердит?.. Ей-богу, как подозреваемый на допросе. Передам, конечно! А на словах?

– А на словах ничего не надо. Вообще, лучше сделай вид, что ты меня не знаешь. Не надо этих разговоров.

Он снова выглянул в окно, но по цементной дорожке вокруг фонтана катали уже другого больного – крупного мужчину в байковом госпитальном халате и с марлевым шаром вместо головы. Пользуясь тем, что сидящий за столом Корнев не видит его лица, Федор Филиппович пару раз досадливо дернул щекой, покусал нижнюю губу, а затем, придав лицу приличествующее случаю рассеянno-безмятежное выражение, вернулся к столу.

Иван Яковлевич продул и закурил новую папиросу, после чего генералы еще около четверти часа болтали о пустяках, дожидаясь, как и обещали, возвращения полковника Вдовиченко.

Глава 6

Новенький «уазик», выглядевший довольно потешно благодаря литым титановым дискам колес и густо, как в джипе «нового русского», затонированным окнам, свернул с центральной улицы небольшого подмосковного городка, прокатился, подскакивая на выбоинах в асфальте, по обсаженному липами тенистому бульвару, свернул еще раз и оказался на привокзальной улице, тянувшейся вдоль железнодорожных путей. Справа, за маневровой веткой, по которой сейчас медленно проползал замызганный тепловоз с десятком порожних вагонов, виднелось недавно отремонтированное и еще не успевшее облупиться бело-голубое приземистое здание вокзала и привокзальная площадь с коммерческими палатками, торгующими всякой всячиной, хронически неработающим фонтаном, в цементной чаше которого стояла зеленовато-желтая гниющая вода, и прочими провинциальными прелестями, вплоть до пасущейся на газоне грязно-белой козы с обманчиво невинной мордой продувной бестии.

Слева промелькнуло серое, массивное здание типографии, потом закрытое кафе с треснувшей по диагонали, загороженной изнутри фанерными щитами пыльной

витриной. Если верить надписи на фасаде, составленной из укрепленных на ржавых железных кронштейнах объемных букв, кафе называлось «ВОРОГ»; скользнув по нему рассеянным взглядом, Глеб подумал, что никогда не встречал предприятия общественного питания с более странным названием, а потом сообразил, что данный мрачноватый архаизм образовался путем выпадения всего трех литер из вполне обыкновенной надписи «В ДОРОГУ». В узких щелях между стенами кафе и заборами, которыми были обнесены справа – типография, а слева – какой-то одноэтажный домик казенного вида, громоздились горы слежавшегося, занесенного пылью и опавшей прошлогодней листвой, уже успевшего прорасти сорняками мусора.

За домиком, в котором, как тут же выяснилось, размещался местный архив, показалось здание клуба – массивное, трехэтажное, когда-то, несомненно, шикарное, суперсовременное, с фасадом из сплошного стекла – тоже пыльного, закопченного. Над входом нависал, опираясь на многочисленные квадратные колонны, широкий бетонный козырек, снизу, с изнанки, усеянный рядами круглых ламп – деталь, некогда, без сомнения, представлявшаяся последним словом современного архитектурного дизайна. Именовалось это сооружение Дворцом культуры железнодорожников, о чем всех, кто этого до сих пор не знал, информировала соответствующая вывеска.

Напротив этого здания Иван Яковлевич остановил машину.

– Приехали, – без особой необходимости сообщил он, затягивая ручной тормоз.

Глеб повернул голову и прочел вывеску.

– Что такое «культура железнодорожников»? – спросил он. – Здесь что, выращивают машинистов тепловозов и сцепщиков?

– А также проводников вагонов дальнего следования, – в тон ему добавил Иван Яковлевич и, хохотнув, осторожно хлопнул Глеба по плечу мясистой короткопалой ладонью. – Молодец, сынок, чувства юмора не теряешь. Значит, сработаемся!

Сиверов промолчал, хотя испытывал по этому поводу серьезные сомнения. Он по-прежнему ничего не понимал, хотя в последнее время кое-что начало, наконец, проясняться.

На улице вовсю светило солнце, стоял яркий июньский полдень, и прежде, чем выйти из затемненного тонированными стеклами салона на слепящий дневной свет, Глеб вынул из мягкого кожаного футляра темные очки и привычно нацепил их на нос.

Очки еще в госпитале передал ему Иван Яковлевич. Передал без каких бы то ни было комментариев – просто протянул футляр, сказавши: «Это тебе». Между тем, выслушать хоть какой-то комментарий по этому поводу Глеб не отказался бы, поскольку это были его собственные запасные очки, хранившиеся дома, в выдвижном ящике книжного шкафа. Их ему подарила в прошлом году Ирина. Это были те самые очки, а не их копия: Глеб убедился в этом, обнаружив на левой дужке знакомую царапинку.

Вряд ли Иван Яковлевич был знаком с Ириной Быстрицкой; скорее уж с генералом Потапчуком. Это означало, что Федор Филиппович помнит о Глебе, знает, где он находится и что с ним случилось, не переменял своего к нему отношения, но в силу каких-то известных только ему причин пока не считает возможным войти в личный контакт. Памятуя о происшествии у Белорусского вокзала, Глеб мог предположить, что это были за причины.

Еще это, по всей видимости, означало, что Федор Филиппович встречался с Ириной и, надо полагать, постарался как-то ее успокоить по поводу затянувшегося отсутствия мужа. Впрочем, с таким же успехом появление на сцене знакомых очков в комплекте с незнакомым лысым коlobком по имени Иван Яковлевич могло означать и что-нибудь другое, не столь утешительное и столь же вероятное. «Поживем – увидим», – решил Глеб и, поправив на переносице очки, вышел из машины.

Вопреки ожиданиям, Иван Яковлевич повел его не к парадному входу, а куда-то вправо, вдоль загороженного серыми колоннами фасада, за угол, где в глубине, отступив от улицы метров на десять, высился трехметровый кирпичный забор. Над ним виднелась какая-то побитая ржавчиной железная крыша, а дальше торчала, вонзаясь в небо сужающимся кверху закопченным пальцем, кирпичная труба котельной. Несмотря на теплую и даже жаркую погоду, из трубы ленивыми толчками выбивался жидковатый черный дымок. На глазах у Глеба дым повалил гуще. Потом глухие железные ворота в заборе вдруг распахнулись, издав царапающий нервы протяжный ржавый скрип, и оттуда, клокоча движком, выкатился пыльный грузовик. Лязгая разболтанными бортами и воняя

выхлопными газами, он медленно прополз мимо, притормозил у выезда на улицу, перевалился через образовавшуюся в этом месте выбоину, повернул направо, с ревом газанул и скрылся за углом. Когда Глеб снова посмотрел на ворота, те уже были закрыты; из трубы котельной, постепенно редая, все так же валил черный дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/voronin_andrey/slepoy-metod-nostradamusa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)